

Православный ВЕСТНИК

НОЯБРЬ 2017

Свято-Николаевский Храм Русской
Православной Церкви Заграницей
г. Аделаида, Австралия

Содержание

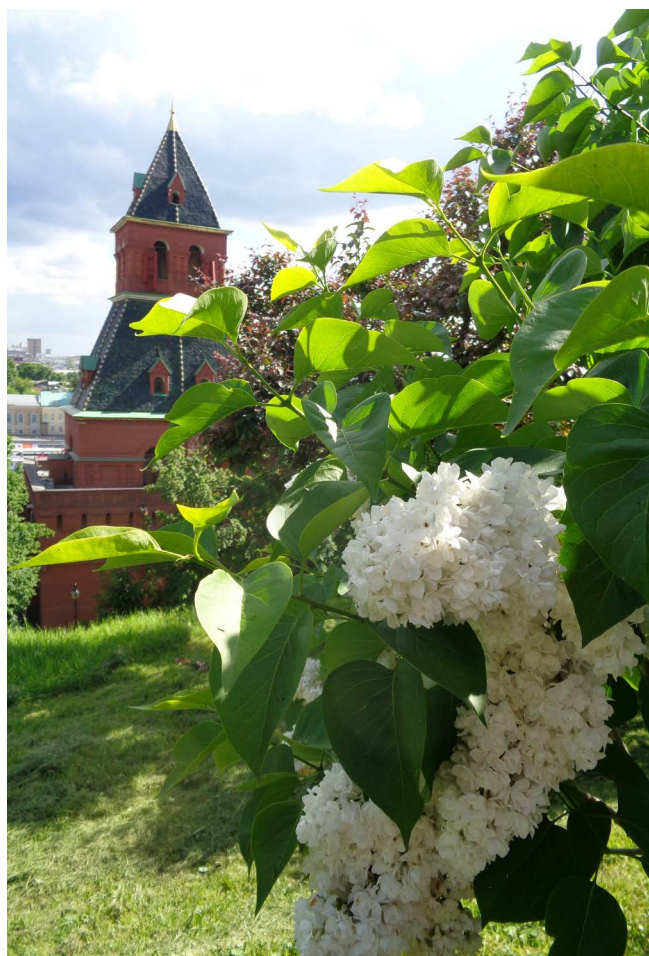
СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

Воскресенский храм в Форосе

3 «Мы вернулись домой»

33 «Путешествие по
русской дороге»

Белая сирень в Московском Кремле

Редакционная коллегия:

Протоиерей Владимир Дедюхин,
Константин и Наталия Жуковские

www.saintnicholasadelaide.org.au

e-mail: St.Nicholas.Vestnik@gmail.com

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ВЫПУСК

*Многие наши прихожане этой зимой (российским летом)
побывали на Родине, в России.
Некоторые из них поделились своими впечатлениями.*

Мы вернулись домой

Наталья Жуковская

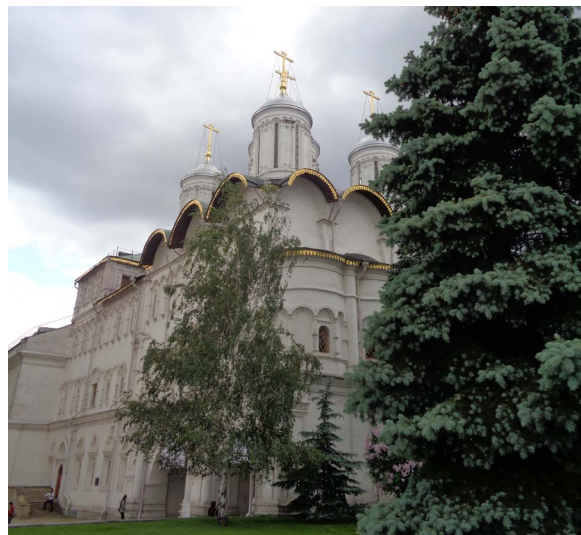
Наша семья живёт на австралийской земле уже 24 года, и за все эти годы мы ни разу не ездили в Россию. Мои знакомые иногда спрашивают, часто ли я вспоминала Родину. Чтобы вспоминать, надо забыть, а я никогда не забывала. И если первые годы Россия жила во мне каждую минуту, то сейчас мои мысли разделились на две близкие и любимые мною страны: Россию и Австралию. В Аделаиде — у меня семья, дети, друзья, любимая работа, наш дружный приход. В России — полжизни и остальное всё!

Не знаю, сколько бы ещё прошло времени, прежде, чем мы собрались бы в Россию, но тут, всеми нами уважаемый и любимый Дитер Хауптманн попросил меня о помощи. В конце 2015 года ему, как руководителю нашего Аделаидского Балалаечного Ансамбля, пришло приглашение на Международный конкурс-фестиваль народного творчества «Самородки», который ежегодно проходит в г. Севастополе. Дитер попросил меня взять все

организационные вопросы на себя. Честно скажу, я не хотела за это браться. Я понимала, как это сложно. Но я даже представить себе не могла, насколько это будет сложно.

Наш младший сын Андрей, который играет в ансамбле на контрабас-балалайке, очень хотел поехать. Муж тоже уговаривал. Люди, которые сами когда-либо что-то организовывали, меня отговаривали. Сама я понимала: другая страна, санкционный Крым, визы, деньги, дети, их родители, страховки, непредвиденные обстоятельства и т.д. Но тут, моя подруга, прожившая уникальнейшую интересную жизнь, несколько лет которой провела в Севастополе, сказала мне: «Можно ни разу не побывать в Париже или Лондоне, но не побывать в Севастополе — нельзя!»

И я решилась. Сказала об этом Дитеру, порадовала его. Моё тёплое чувство к этому человеку безгранично! Мне очень хотелось сделать ему подарок: нашу поездку в Севастополь. Крым и экономические санкции

были у всех на устах. Я думала, что Дитер оценивает все предстоящие трудности, но оказалось, что он даже и не догадывается о них. Только несколько недель спустя после нашего решения ехать, Дитер, пришёл к нам домой и удивлённо произнёс: «А Севастополь — это оказывается Крым!»

Но было поздно отступать. Как известно, любое дело требует хоть каких-то финансов, а уж наша затея ожидалась вполне разорительной. Поэтому мы сразу подумали о сборе средств. Выбрали казначея ансамбля. Традиционные выступления ансамбля на Пасхальной выставке в Русском Доме и дополнительные концерты принесли нам полторы тысячи долларов в виде пожертвований благодарных слушателей. Спасибо всем большое! Отдельная благодарность всем тем, кто нас поддержал словом, делом, деньгами. Это, прежде всего, Марика Эскотт и Ольга Троменшлегер — они на протяжении всего времени были нам и лично мне поддержкой и опорой. Также спасибо за поддержку Почётному Консулу РФ в ЮА Ларисе Вакулиной, о. Владимиру Дедюхину, Андрею Урусову, Людмиле Филинковой, Ксении Мейснер, Полине Фришлинг, Сергею Смагину, Александру Сатаеву, Соне Макаренко, Дионисии Ужигасовой, Юрию Жуку, Фёдору Лещёву. Отдельная, большая благодарность всем работникам Генерального Консульства РФ в Сиднее и лично Генеральному Консулу РФ Сергею Борисовичу Шипилову.

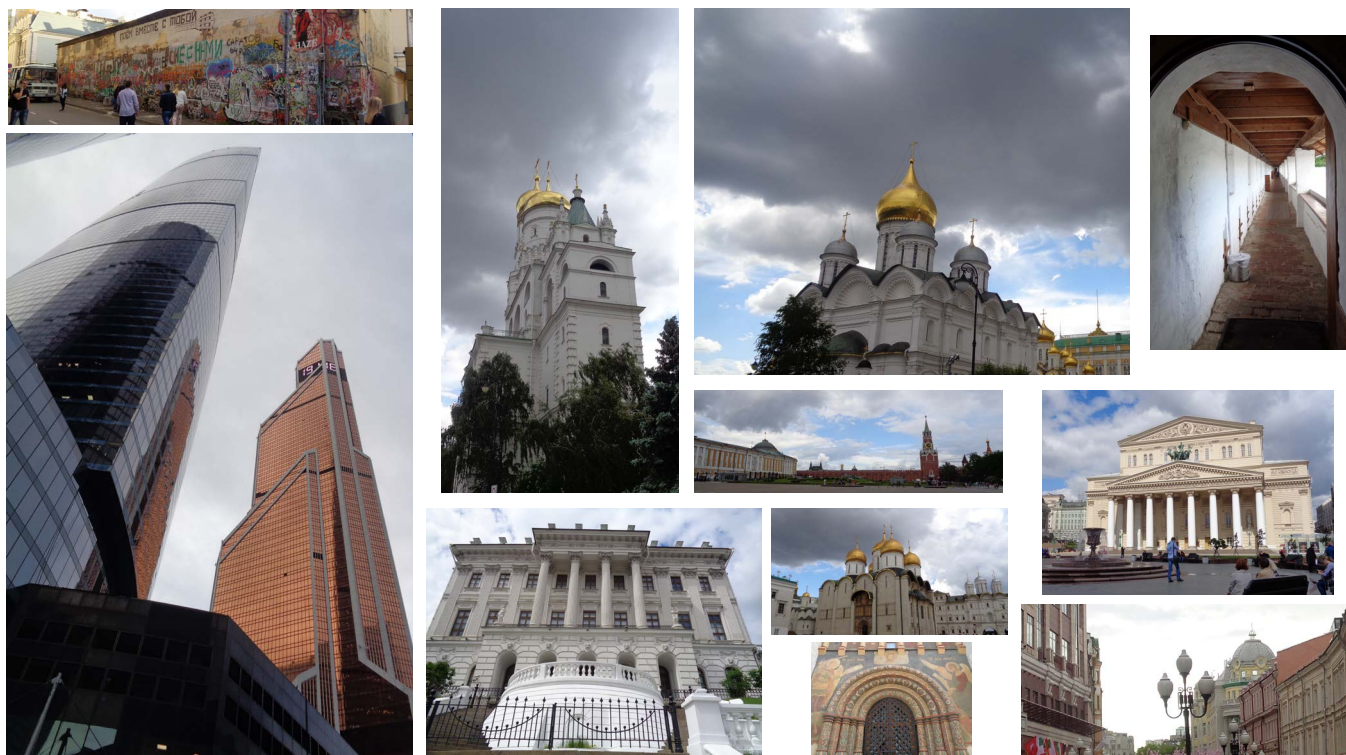
Шли месяцы, постепенно утрясались все — большие и маленькие — нюансы нашей поездки. Так как ансамбль детско-юношеский, нужно было соблюсти некоторые правила по сопровождению несовершеннолетних. К счастью, в окончательном варианте группы все дети, кроме одного, были со своими родителями. Это упрощало дело.

В состав нашей группы вошли: Дитер Хауптман, Адриан Рассел, Михаил и Николай Боярские, Людмила Гоголадзе, Даниил Гайли, Елена Муравьёва, Эмилия, Лидия и Марина Токаревы, Александр, Татьяна, Крэйг и Юлия Нанкерроу, Андрей, Константин и Наталия Жуковские.

Каждой семье хотелось, попав в Россию, выполнить свою программу по посещению родственников и друзей. И вот тут неоценимую помощь нам оказала Юлия Данилова, агент туристического агентства «Flight Centre». Её готовность помочь и сделать наше путешествие более комфортным большого стоила! Группа не маленькая — семнадцать человек — и все в разное время должны прилететь в Москву, потом все вместе в Крым, в Симферополь, а потом в разные города и даже страны. Мы разлетались кто куда: в Москву, Новосибирск, Липецк, Минеральные Воды, Батуми, Амстердам. Так что спасибо Юлии за её терпение в работе с нашим неугомонным коллективом!

Отдельные сложности возникли на раннем этапе, когда надо было зарезервировать

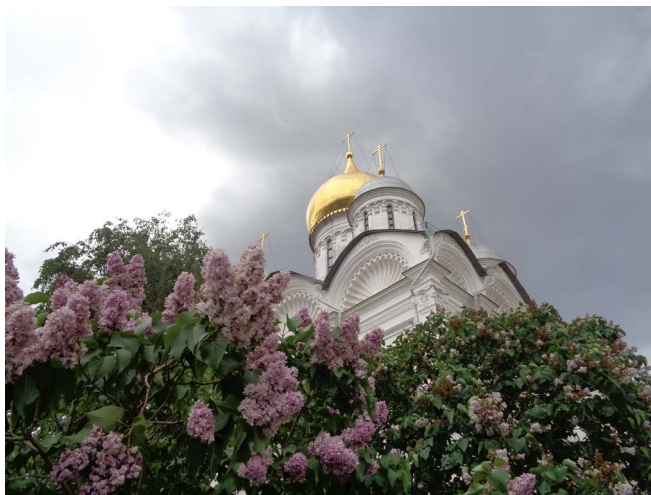
гостиницу в Севастополе. В России это делается бесплатно, поэтому люди резервируют на всякий случай, а за полтора месяца, когда надо уже делать предоплату, многие отказываются от брони и выясняется, что свободных мест теперь много. У нас была большая группа, поэтому мы рисковать не могли и делали всё за полгода вперед. В тот момент, в январе, свободных мест на июнь в гостиницах Севастополя не было. Я уже не знала, что делать, когда Юлия Данилова всё-таки нашла нам гостиницу: лучшую в городе – гостиницу «Севастополь». Нас, конечно, поразили цены, которые были выше австралийских в три раза, но мы решили, что раз выбора нет, то берём. Тем более, что гостиница расположена в самом центре города, фактически на Приморском бульваре. Правда, потребовалась достаточно долгая, многонедельная переписка с гостиничным менеджером Татьяной. Возникла проблема с предоплатой. Из-за санкций на этой территории не работают кредитные карточки зарубежных банков, поэтому мы не могли заранее заплатить, да ещё и в рублях. После долгих переговоров мы, вроде бы, уладили этот вопрос.

Время шло. Наступил долгожданный июнь 2017 года. В воскресенье, 11 июня, о. Владимир Дедюхин отслужил молебен перед отлётом ансамбля. Отъезжающим было приятно, что на молебен остались буквально все наши

прихожане, кто был на литургии, кроме прихожан с малышами. Наш церковный хор остался в полном составе. Мы почувствовали, что наш приход – это одна большая семья, где все друг друга любят и поддерживают. И Господь Бог услышал нашу общую молитву: большое и сложное путешествие прошло хорошо! Но обо всём по порядку.

Сначала я хотела рассказать вам только о путешествии ансамбля в Крым, но потом поняла, что для меня невозможно «вырвать» его из контекста всего цельного путешествия именно нашей семьи. Основная часть группы вылетала 20 июня через Китай. Наша семья вылетела на неделю раньше, 13 июня, через Арабские Эмираты, точнее часть нашей большой семьи: мой муж Константин, я и самый младший наш сын – 19-летний Андрей. Андрей покидал Австралию впервые.

Суточный перелёт – это суточное, но не шуточное дело, плюс разница во времени. Транзитный для нас аэропорт в Дубаи заслуживает отдельного подробного рассказа о его размерах, великолепии и «людской карте мира». Кто-то скажет, ну, аэропорт и аэропорт, что в нём интересного? Меня же впечатлило разнообразие людей, их внешнего вида. Такого обилия национальной одежды я не видела даже в многонациональной Австралии. Сам полёт запомнился огнями Индонезии в ночном

Архангельский собор в Кремле

океане и потрясающим ландшафтом Ирана, открывшимся нам наутро в лучах яркого солнца.

Когда под крылом самолёта закончился ломкий пейзаж иранской земли, и самолёт пересёк российскую границу, в круглом стекле иллюминатора я увидела горы родного Кавказа. Даже сверху узнавались города и дороги, а Большой Кавказский хребет напоминал брошенное кем-то манто из чернобурки. Манто легло с изгибами, складками, и в этих складках в лучах яркого солнца искрился снег. А белая пуговка почти посередине – это гора Эльбрус, левее него глубокие ущелья – это Домбай. Взглядом начертив треугольник, в его вершине я нашла самую родную точку на земле – город Кисловодск.

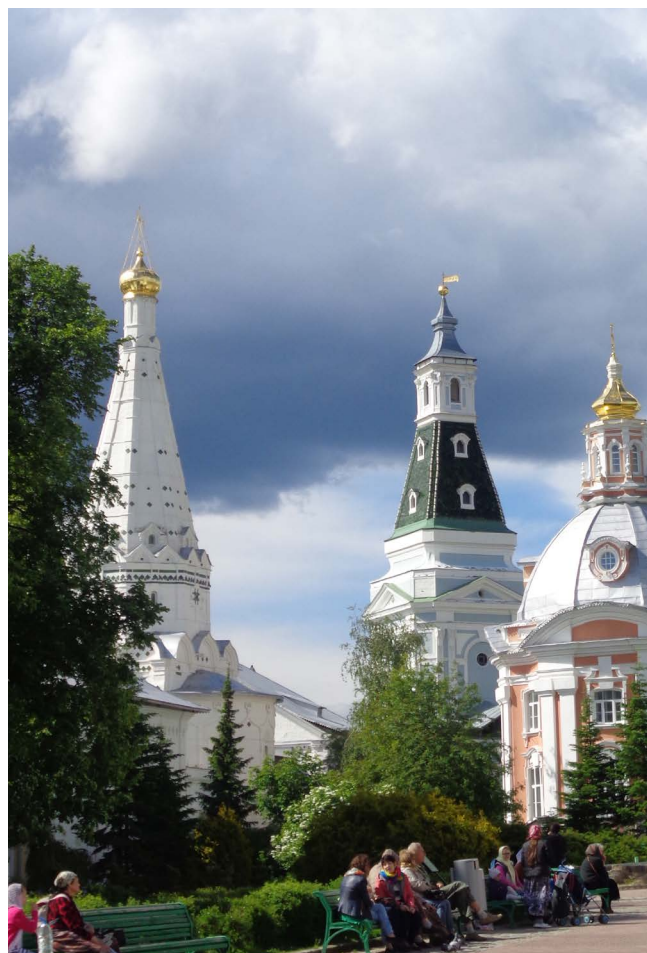
С высоты десять тысяч метров хорошо видны изрезанные предгорными и степными реками поля Ставрополя. Интересно, что некоторые кавказские реки, шумно сбегая с гор, бегут дальше, спешат, но так и не доносят свои воды до моря, постепенно растворяясь в прикаспийских степях. Другие же режут степные просторы, извиваясь змейкой по пятьсот километров, вливаются в реки побольше, а потом попадают в Чёрное море.

Из самолёта хорошо видна эта гигантская водная система кавказского предгорья, вся стянутая к Манычу, этому природному калейдоскопу солнечного дня. Каждый его кусочек в лучах солнца отсвечивает всеми цветами радуги, создавая переливающуюся и постоянно изменяющуюся картинку, хорошо видную из самолёта. Вообще, моё самое сильное впечатление от всей поездки – это осознание, как велик и прекрасен мир.

С десятикилометровой высоты на горизонте виден изгиб земной поверхности. И, если продлить эту линию, можно увидеть размеры нашей планеты и посмотреть на всё величие со стороны. С этим пониманием интереснее рассматривать все подробности ландшафта внизу: как будто перед тобой гигантский глобус.

Каждая территория имеет свою цветовую гамму. И, если пустыни и предгорья Ирана – это переход от кремово-лняного и палевого до серого и цвета хаки, то Россия летом – это весенне-зелёная, изумрудная палитра. Какой изумительный цвет у нашей Родины! Голубая водная гладь многочисленных рек и озёр России только оттеняет великолепие изумрудного. Когда мы стали снижаться, приближаясь к Москве, и уже можно было рассмотреть меньшие по размеру объекты, чем горные хребты и озёра, меня порадовало количество церквей: буквально в каждом посёлке. Четверть века назад, конечно, такого не было.

И вот мы в Москве, в Домодедово. Недолгий путь на машине, и мы у дома моей двоюродной сестры Ирины. Мы не виделись 27 лет! Ира

В Св. Троице-Сергиевской Лавре

была тогда ещё школьницей, а теперь мы обе взрослые женщины с детьми. Её родное лицо совсем не изменилось. У меня сразу при виде Иринки, как говорила наша дочь в детстве, слёзы в носу защекотали. Сколько часов за эти дни мы с ней провели в воспоминаниях о былом, сколько новостей рассказали, подробностей своей жизни. Обменялись знаниями о своей общей родословной, показали друг другу фотографии. Много раз за дни, проведённые в Москве, вспоминали нашу покойную бабушку Нину, без которой мы обе скучали. Однажды поздно вечером муж Ирины – Слава – зайдя на кухню, где мы с Иррой уже несколько часов «пили чай», послушав наш нескончаемый разговор, посмотрев внимательно то на одну, то на другую, сказал: «Да, теперь я вижу, что вы сёстры!» И мне за эти дни несколько раз хотелось сказать Иринке киплингскими словами: «Мы с тобой одной крови!»

В первый же вечер, несмотря на усталость от полёта, мы не стали сидеть дома, а поехали на метро в центр, на Красную Площадь. Наш Андрей был в метро впервые. Московское метро, особенно его старейшие станции в центре города заслуживают отдельного разговора. Я могла бы рассказывать вам о метро долго и со всеми историческими подробностями в лицах и красках. Это отдельный город в городе. Для меня всегда и везде за любым делом или объектом стоят люди. Живые или уже умершие, люди, кто был связан с этим местом. О судьбах тех людей, кто задумал метро, об архитекторах и особенно конструкторах всех сооружений, о строителях и некоторых нынешних служащих надо знать. Это одна из страниц истории нашей Родины. Зная о том, как это создавалось, интереснее разглядывать великолепные своды с лепниной и мозаикой на станции «Комсомольская» или цветные витражи на «Новослободской», моей самой любимой станции.

В тот первый вечер мы доехали до станции

Восстановленный дворец царя Алексея Михайловича Тишайшего в Коломенском

«Чеховская», пошли пешком по Тверской в сторону Красной Площади. Уже стужались сумерки, в небе клубились грозовые тучи, и от этого панорама Кремля становилась ещё красивее. Массовая подсветка всех зданий в центре сделала город нарядным, даже праздничным. Знакомые со студенческих лет улицы и переулки смотрелись как-то по-другому. Постоянно ловила себя на мысли: «Неужели я сейчас здесь, у этого дома, у этой станции метро?»

Пройдя мимо восстановленной за эти годы Иверской Часовни, мы шагнули на Красную Площадь. Может быть, я повзрослела, может кучевые облака в предзакатном освещении создали особую атмосферу, но я впервые в жизни, стоя на этой древней брусчатке, ощутила глубину истории. За свою жизнь я десятки раз была на этой площади, но впервые ощутила что-то неподдающееся человеческому пониманию. Всё течение времени и все люди прошедших веков сконцентрировались здесь и сейчас. И этих людей было много, хотя в реальном времени площадь была почти пуста в этот час. Это длилось какие-то секунды, но я этого не забуду никогда. Ведь и правда, вы только представьте, сколько миллионов людей

В Московском Метро

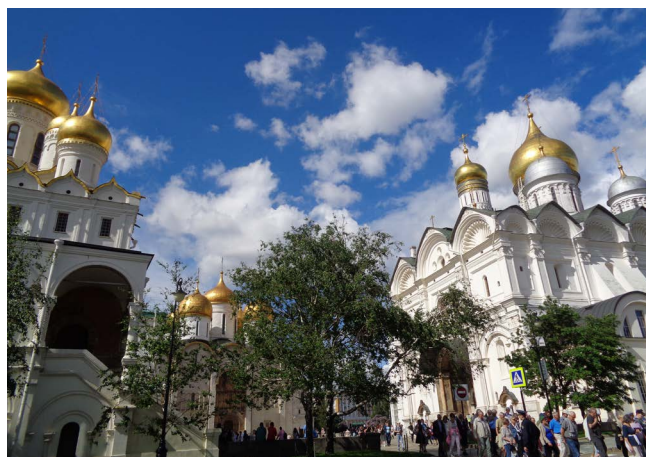

Фонтан на Манежной Площади

побывало здесь за все века. А наше присутствие в данный момент в данном месте – просто миг.

На следующий день к нам из другого города приехала наша подруга Елена, вдова крёстного отца наших старших детей, он также был свидетелем на нашей свадьбе. Валерий много лет назад умер от рака, и нам его очень не хватает. Тридцать лет назад мы жили в соседних комнатах общежития МИФИ на улице Москворечье. С Валерой мы были ещё и земляками (он был из Ессентуков).

Мы с Костей все эти годы часто вспоминаем его удивительную доброту, вежливость, такт и искромётное чувство юмора. Каждый раз, когда я жарю картошку, я вспоминаю Валеру. Потому что однажды, когда Лена и Костя ещё были в институте, а мы с Валерой уже вернулись с занятий в общагу, он предложил совместно пожарить для нас четверых картошку. На что я сказала, что не умею её жарить. Валерка сказал: «Ничего себе! Никому не рассказывай об этом. Живёшь в общежитии и не умеешь готовить главное блюдо студентов! Пошли – научу». С тех пор для меня жареная картошка – воспоминание о том вечере и о педагоге по общежитской кулинарии. А как аккуратно и мелко он умел нашинковать капусту для борща! Для кого-то он, может быть, запомнился талантливым инженером, а для меня – хорошим другом, всегда готовым

В Кремле

поделиться необходимым, научить, выручить, подставить своё плечо.

Много раз за дни, проведённые в России, я думала: как хорошо иметь родных! И друзей, которые за столько лет уже – родные. Первый раз я это почувствовала, когда мы с сестрой Ирой и подругой Леной ходили по хоромам царя Алексея Михайловича в Коломенском. Я смотрела на них, только что познакомившихся друг с другом и уже о чём-то весело болтавших, и мне не верилось, что всё это в реальности и они обе рядом со мной.

Где мы только не были за эти два дня, пока Лена не уехала обратно в свой город! В последний день шагомер на её руке показал, что за полдня пешком мы прошли по паркам и бульварам больше двенадцати километров. Перед расставанием встретились в кафе с Ирой, дочерью Лены и Валеры, которую раньше мы видели только на фотографиях. Кафе в Столешниковом переулке называлось смешно и заманчиво: «Лепим и варим». Наша большая компания попробовала, по-моему, все семнадцать сортов пельменей, и все они были со смешными или яркими и запоминающимися названиями.

Вообще, если вы спросите, что меня впечатлило в России, я скажу: юмор и счастливый настрой людей – «небо и земля» по

сравнению с 1993 годом! Все как-то радостно и легко теперь живут. И люди стали объективно добрее. Появилась чуткость и уважение к другому человеку, которое чувствуется даже в метро. Это было радостно видеть. В каждом городе, где мы побывали, было немного поразному, но общий настрой россиян, как мне показалось, позитивный.

Хотелось пару слов уделить смешным названиям. Из тех городов, где мы были, самые юморные – это Москва и Подмосковье, затем Севастополь, чуть-чуть Питер. А Кисловодск – это серьёзный Кавказ, не до улыбок, хотя, казалось бы, где ещё и посмеяться как не на курорте. Как говаривал капитан Врунгель: «Как вы яхту назовёте, так она и поплывёт». Но на это придумывальщики вывесок, видимо, не обращают внимания. Вот те названия, которые обратили на себя наше внимание.

Москва: Кафе для семейного отдыха «Сирота», кафе «Пятница 13», суши-бар «Суши-Муши», кафе «Кафе» – *точно уже не столовая!*, ресторан японской кухни «Хиросима и Нагасаки», бар «Слегка не замужем», пивная «Бухен хауз», бистро «Каннибал», студия красоты «Мата Хари», торговый центр «Москва», а тут же в полуподвале кафе «Под.московье», юридическая консультация «Лошарик», магазин нижнего белья «Ля Труселя», алкогольный магазин «Быть добру!», оптика «Кутузов» (*Кутузов же был одноглазый*), оптика «Лупоглазик» – оправы

из Советского Союза, прямые поставки (*они пользуются машиной времени?*).

Подмосковье: парикмахерские «Удачи вам!», «Сам пришёл...», «Так получилось», ресторан «Грабли».

Севастополь: туристическое агентство «Добрый Сусанин», женская парикмахерская «Андрей», салоны красоты «Баба Яга» и «Квазимодо», магазин «Последний ужин», в магазине лежат рядом одинаковые пачки чипсов с разными надписями: «Чипсы с солью» и «Чипсы со вкусом соли», там же объявление: «На работу требуется человек».

Кавказ: кафе «Беспечный едок» – скушай шо-то у Ашота; реклама на магазине: «Мотоциклы, Скутеры, Велосипеды, Памятники – гранит, мрамор, мраморная крошка».

Санкт-Петербург: доставка зоотоваров на дом «Ёжкин кот», знаменитый питерский модный салон «Смерть мужьям», на Лиговском проспекте студия красоты «Страшная сила» – круглосуточно!; странная надпись огромными буквами на глухой стене здания: «Любовь побеждает всё, кроме кариеса!», магазин одежды «Вещь!», магазин на Невском с глубоким названием «Хлбб насущный», оптика «Слепая курица».

Много названий на грани приличия. По правилам, на продуктах надо указывать название товара и фирму (например, Бабаевская шоколадная фабрика) или страну производителя (например, Россия). Количество букв в ценнике

ограничено, поэтому, порой, получается так: конфеты визит бабаев, конфеты вдохновение баб, морковь немытая россия. Или товары с этикеткой на двух языках – русском и казахском – Япония/Жапония.

Нам встречались товары, которых нет в Австралии и, думаю, нигде в мире, кроме России. Мы всё это попробовали: Соса Cola с чесноком, Sprite с огурцом (кстати, очень вкусно!), жевательная резинка со вкусом свинины, мороженое «Жириновский» (с солёной оливкой внутри, так сказать «с изюминкой»), шоколадно-сливочное мороженое «Обамка», ностальгическое «Пломбир за 48 копеек», конфеты «Ириска – прощайте пломбочки».

А подытоживала всё это языковое великолепие философская фраза, увиденная мной в последний день перед отлётом. В Питере возле станции метро Ладожская, на стене магазина написано: «У кого длиннее чек, тот счастливый человек».

Вот так, попивая огуречный Sprite, мы встретились со всеми нашими балалаечниками, прилетевшими из Австралии. За день до отлёта в Крым, решили вместе погулять по Москве. Встретились на одной из станций метро и пошли к речному причалу, чтобы прокатиться по Москва-реке. Прогулка заняла несколько часов. Выйдя на берег, зашли в Ново-Спасский монастырь, который расположился в квартале от причала. Мы знали, что там можно вкусно и недорого поесть, что мы и сделали. Потом все члены группы разошлись по своим делам, а мы своей семьёй остались в монастыре. Прогулялись по внутреннему двору, зашли в храм. Было ощущение, что мы находимся не

в самом центре огромного города, а где-то в российской глубинке.

Ново-Спасский монастырь – это ставропигиальный мужской монастырь XV века, то есть его стены видели многое на своём веку. Причём, не только снаружи, но и внутри. На территории монастыря располагается множество зданий, но, конечно, главные из них – храмы. Это огромный для своего времени (XVII век) шестистолпный Преображенский собор, а также Покровский, Никольский и Знаменский храмы. Описать это всё трудно, только скажу, что в этом тихом уголке шумной Москвы хорошо чувствуешь время и историю. На нас неизгладимое впечатление произвёл Храм Покрова Пресвятой Богородицы (XVII век). Его очень низкий свод не давил, а создавал пространство, создающее чувство спокойствия и безопасности. Он был заложен и построен при царе Алексее Михайловиче Тишайшем, и как будто спокойный нрав царя передался этим древним стенам. Где-то полчаса кроме нас никого в храме не было: только мы и лики святых. И эти минуты не забудутся.

Как и вся Россия, этот монастырь настрадался за годы своего существования. При французах в 1812 году в храмах были сделаны склады и конюшни (вот вам и европейцы!). При советской власти в помещениях монастыря сначала была женская тюрьма, потом жилые помещения, медвытрезвитель, склады НКВД.

В Ново-Спасском монастыре мы были уже в последний день нашего пребывания в Москве. А несколькими днями раньше мы посетили Савво-Сторожевский монастырь под Звенигородом и Вознесенскую Давидову

В посёлке Новый Быт

В Сергиевом Посаде

В деревне Козино

Пустынь недалеко от г. Чехова.

Многие наши прихожане, конечно, помнят семью Леписовых. Когда они жили в Аделаиде, у них была маленькая дочка Пелагея, в Аделаиде родился сын Григорий. *(Мы писали о них в 48-м номере нашего журнала за июнь 2013 года).* С 2011 по 2013 год вёрстку нашего журнала делал Андрей Леписов, а Марина была одним из редакторов. В 2013 году Леписовы на пару лет переехали из Аделаиды в Брисбен, но два года назад семья вернулась в Россию. Теперь у них четверо детей: с аделаидских времён добавились ещё Софья и Мария. Андрей и Марина Леписовы повезли нас сначала в Церковь Троицы Живоначальной в селе Козино. После недолгих поисков, именно этот приход стал для них своим.

Вокруг раскинулись красивейшие звенигородские просторы. Мы убедились, что не зря окрестности Звенигорода считаются самыми живописными местами в Московской области. Деревянный храм в Козино стоит на высокой круче над Москва-рекой. Андрей и Марина рассказывали нам о жизни их прихода, о совместном купании в реке, прогулках по берегу. От их рассказов защемила в сердце ностальгия. Как всё-таки хорошо, когда вокруг тебя живут родные русские люди! Я это чувствовала даже в общественном транспорте. Вот, едешь в метро, напротив тебя сидят люди: молодые и старые, весёлые и грустные, энергичные и усталые. И все они – свои, родные, которые тебя поймут, не только благодаря общему языку, но и благодаря одинаковому менталитету.

В Саввино-Сторожевском монастыре

Мы погуляли с Леписовыми в окрестностях храма, Андрей и Костя со старшими детьми спустились к реке, пока неожиданный проливной дождь не погнал их наверх, к машине. Дальше наш путь лежал в Саввино-Сторожевский монастырь, который находится по другую сторону от Звенигорода. По пути проехали деревню Грязь, где построили свой замок Галкин с Пугачёвой. Смешно вообще-то видеть высокий шпиль замка в окружении домов деревни под названием Грязь.

В тот день, когда мы приехали в Саввино-Сторожевский монастырь, периодически шёл дождь, было холодно. Но все мы всё равно решили, что окунёмся в купель-родник возле скита преподобного Саввы. Температура воды в тот день была всего плюс два градуса. Сначала окунуться пошли наши мужчины. Потом пошла наша женская половина: Марина, я и семилетняя Пелагея. Надо сказать, что после тяжёлого перелёта у меня были всё ещё сильно отёкшие ноги, даже появились кровоподтёки от пострадавших сосудов. Но не окунуться в такой источник впервые в своей жизни я никак не могла. Я три раза, перекрестившись, окунулась. Потом за мной Пелагея, потом Марина. Мы радостные выскочили из воды, оделись, вышли наружу к нашим мужчинам. Я почувствовала, что мне чего-то не хватает, как будто не доделала что-то. И тут по глазам Пелагеи я вижу, что и она как-то мнётся и на меня смотрит. Не помню, кто из нас первый озвучил желание окунуться ещё раз, это и не важно. Главное, спросив разрешение у Марины,

Родник Св. Саввы

мы радостно побежали обратно к источнику. И там ещё по три раза окунулись с головой. Вышли наверх к нашей одежде, вода стекает с нас струйками, а мы, переглянувшись: ещё? – ещё! – побежали по ступенькам к воде. Трижды троекратное погружение дало невероятную радость на душе! Стало так легко! И воздух потеплел даже. Мы, смеясь, выбежали к нашей одежде, а Пелагея говорит: «Тётя Наташа, а у тебя ножки стали беленькие!» И правда: полегчало не только на душе, но и с ножками!

Невозможно свой рассказ вести хронологически. Вспоминается то одно, то другое. С нами несколько раз происходили

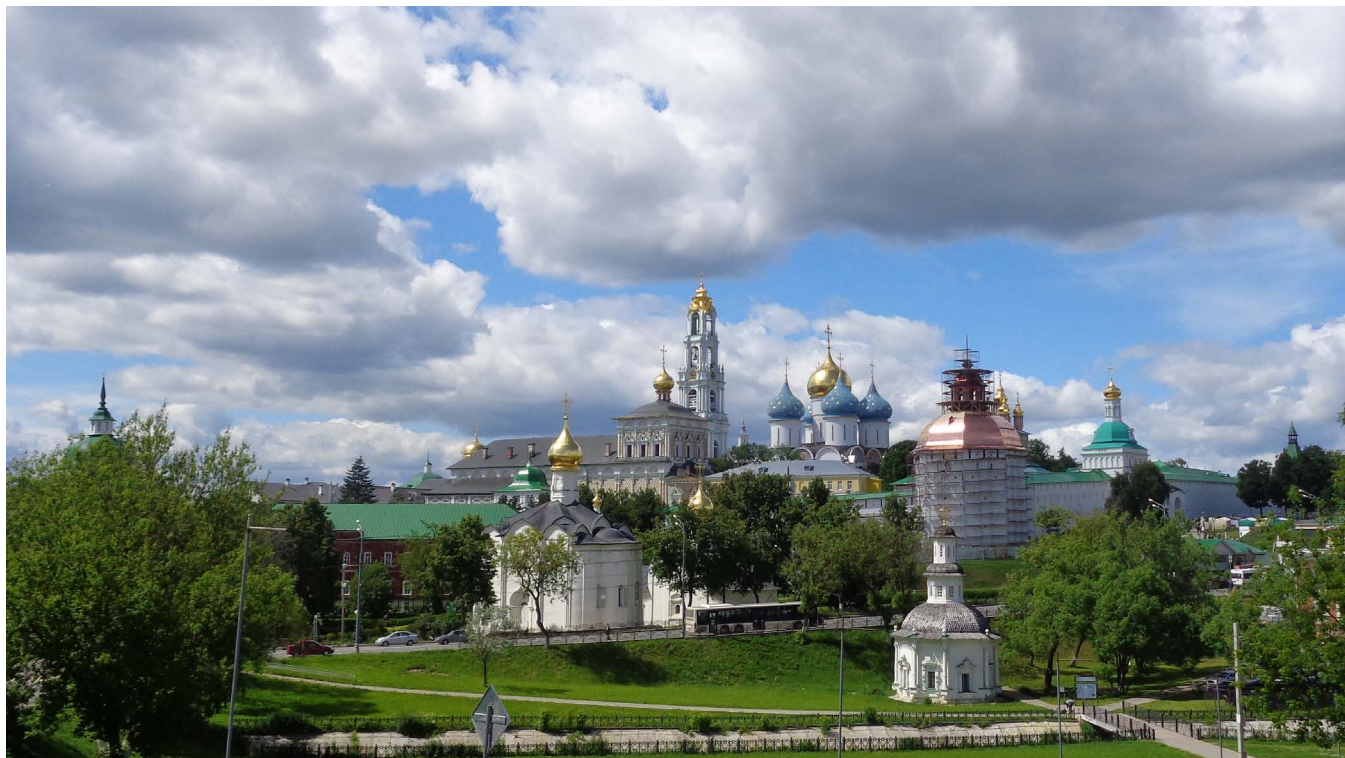
Колокольня в Давидовой Пустыни

какие-то удивительные истории. Не хочется кидаться громким словом – чудеса, но случались приятные неожиданности. В первый день в Москве сестра Ира спросила, куда бы мы хотели поехать и что посмотреть. Я ответила, что, конечно, просто Москву, но главное моё желание посетить Вознесенскую Давидову Пустынь в посёлке Новый Быт под Чеховым. Обрадовало, что прямо от дома, где мы остановились, ходит прямой автобус до Чехова, а там уж рукой подать до монастыря. Такая простая доступность в многомиллионной Москве уже само по себе – удача!

Но когда мы туда добрались, всё равно было

Вознесенская Давидова Пустынь

Св. Троице-Сергиевская Лавра

уже около полудня. Службы во всех храмах уже закончились, храмы были закрыты. И никакой надежды, что мы попадём хотя бы в один из храмов, не было никакой. Мы стояли у церковной лавки и думали, что же нам делать. И тут подошла женщина и спросила, чего мы ждём. Ирина говорит ей: «Вот, моя сестра с семьёй пролетела много тысяч километров, хотела обязательно попасть в этот монастырь, а всё закрыто». Женщина отвечает: «Пойдёмте». И она открыла нам один за другим все храмы этого монастыря, терпеливо ходила с нами больше двух часов. Там, куда я так рвалась попасть, увиделось многое лично для меня. Спасибо Господу за всё!

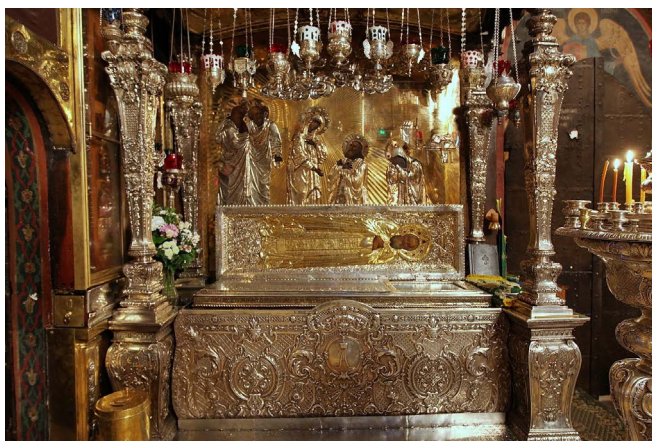
В один из дней мы с Костей вдвоём поехали в Свято-Троицкую Сергиеву Лавру. Мы добрались до Сергиева Посада и пошли пешком к Лавре. Когда на вокзале мы спросили у одного человека, как пройти к Лавре, он указал направление рукой и сказал: «Все дороги ведут к Лавре: не заблудитесь!»

Всё оказалось совсем не так, как представлялось по ранее виденным фотографиям. Монастырь оказался не лубочной картинкой, а настоящей белой крепостью на высоком холме. При виде этих древних стен повеяло чем-то очень русским. Такого ощущения у меня не возникало больше нигде,

ни в одном монастыре, ни в одном музее или дворце. Теперь я вспоминаю своё чувство, возникшее при виде монастыря, и понимаю, что в тот момент я бы совсем не удивилась, если бы появились всадники или вышли люди тех времён. Даже не так. Было ощущение, что они сейчас там, в монастыре.

Внутри монастырских стен было суетно, много народа ходило туда и сюда. Несколько храмов, всё красиво и ярко, а летнее голубое небо с белоснежными облаками ещё добавляло красочности. Мы подошли к Свято-Троицкому собору. Когда-то внутренне пространство собора было расписано преподобными иконописцами Андреем Рублёвым и Даниилом Чёрным, но, к сожалению, их стенные росписи не сохранились. Но иконы в уникальном пятиярусном иконостасе работы Андрея Рублёва мы можем видеть и сегодня. Особенностью этого иконостаса является то, что он сплошной, то есть иконы в нём не разделены алтарными столпами. Иконы сильно потемнели, но их живой дух потрясает. Кстати, знаменитая икона «Троица» была написана Андреем Рублёвым именно для Троицкого храма Лавры.

Мы отстояли небольшую очередь к мощам Преподобного Сергия Радонежского, которые находятся в Троицком соборе Троице-

Рака с мощами Св. Сергия Радонежского

Сергиевой лавры. Приложившись к мощам, я оказалась прямо перед двустворчатой кованной дверью справа от серебряной раки святого. Дверь открылась. Я не знаю, кто её открыл, но я почувствовала, что должна туда зайти. Это всё произошло очень быстро, я только заметила, что в открывающейся створке двери наверху большая круглая дыра, как пробоина. Как потом мы узнали, дыра в двери получилась от попадания пушечного ядра во время осады Лавры поляками несколько веков назад.

Я обернулась и позвала за собой Костю. Мы зашли. После многолюдности храма и шумного от туристов монастырского двора, мы окунулись в тишину. Вокруг фрески на стенах и иконы. Мы оказались в Никоновском приделе, где была и Серапионова палата, которая была построена на месте кельи преподобного Сергия, где ему было явление Пресвятой Богородицы.

Это относительно небольшое помещение. Серапионова палата знаменита тем, что здесь находятся мощи трех настоятелей этого монастыря: святителя Иоасафа митрополита Московского, преподобного Дионисия Радонежского и святителя Серапиона, архиепископа Новгородского. А ещё в ней хранится часть пояса Богородицы, десница первомученика святого Стефана, частица мощей апостола Андрея Первозванного,

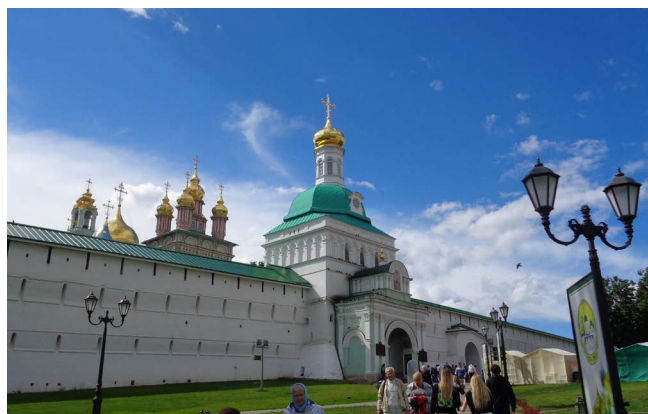

Серапионова палата

глава святителя Исаии Ростовского, кость св. великомученика и целителя Пантелеимона, мощи святителя Николая, Марии-Магдалины, мощи одного из вифлеемских младенцев, частица ризы Богородицы, крест-мощевик преподобного Сергия.

Мощи вифлеемского младенца меня, в полном смысле, потрясли. Вифлеемские младенцы стали первыми мучениками за Христа, пролившими свою невинную кровь за Спасителя мира. Это мы все знаем. Но в тот момент я подумала об их матерях. Как-то по-новому воспринялись слова: «глас в Раме слышен, плач и рыдание и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет» (Мф. 2:17-18).

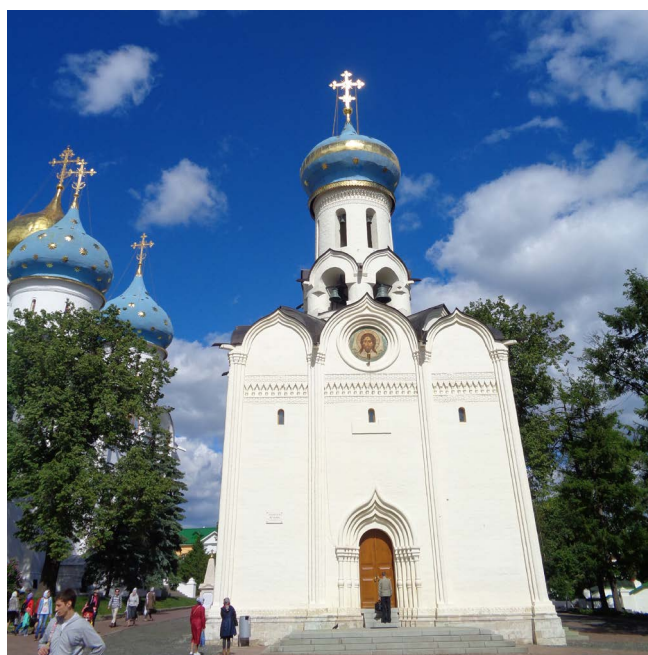
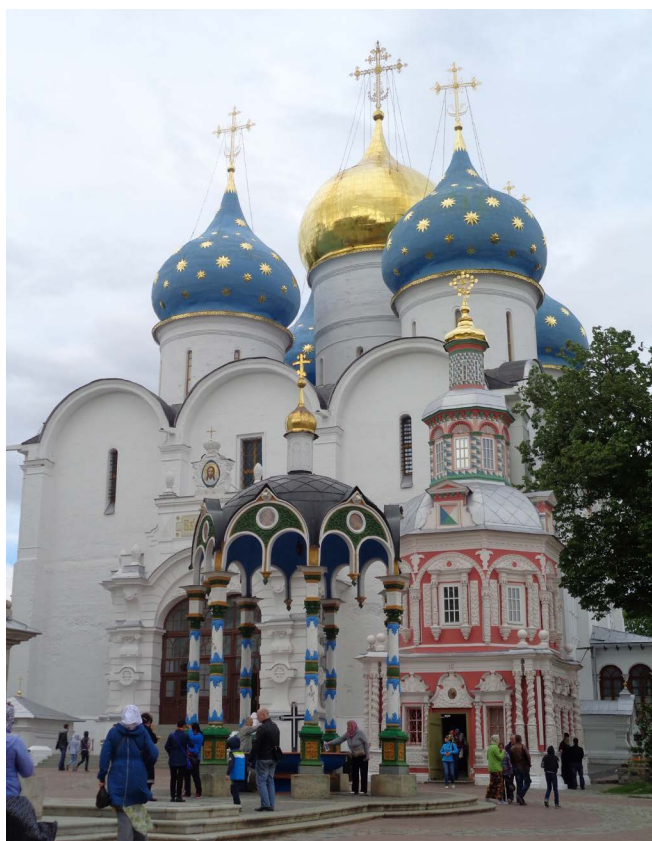
Какое утешение, что мы оказались в этих удивительных стенах, в Серапионовой палате. Где-то рядом кто-то рассказывал об истории того места, где мы находились. Мы прошли вперёд и оказались непосредственно в Никоновском храме. Молодой монах рассказывал об иконах храма и его истории. Его внимательно слушало несколько пожилых женщин. Сразу было видно, что это не экскурсовод и экскурсантки, а давно знакомые друг другу люди. Рассказ был таким увлекательным, что мы присоединились к группе. Быстро стало понятно, что эти

пять пожилых женщин приехали из Ржева, а молодой человек в подряснике их земляк, и они все из одного прихода. С ними мы вернулись в Серапионову палату, и молодой монах, рассказывая о Святителе Иоасафе, глядя мне в глаза сказал: «Св. Иоасафу надо молиться о невинно осуждённых».

После весьма познавательного рассказа мы все вышли из храма, и подошли к могиле почившего в этом году многолетнего духовника Троице-Сергиевой Лавры и трёх последних патриархов – архимандрита Кирилла (Павлова). На могиле горела лампада, её пламя трепетало на ветру, но не гасло.

Подошло время вечерней службы и мы расстались с неожиданным экскурсоводом и с такой непосредственной группой прихожанок из прекрасного города Ржева. Мы даже не заметили, как быстро прошёл день, и надо было возвращаться в Москву, где наши дни пребывания тоже заканчивались и впереди нас ждал Крым.

И вот 24 июня мы прилетели в Симферополь. Нас должны были встречать, но при выходе мы увидели из встречающих всего несколько человек, одна из них – девушка в русском народном костюме. Оказалось это нас встречают с хлебом-солью! Было приятно увидеть такой неожиданно тёплый приём. За нами приехал двадцатидвухместный автобус, а нас было вместе с водителем и встречающими 21 человек плюс большая куча чемоданов. Наши мальчики – большие молодцы, они смогли разместить всю нашу поклажу, было не очень удобно сидеть, но зато весело! Двухчасовой путь до города-героя Севастополя прошёл быстро. Наверное, я не ошибусь, если скажу за всех нас: мы с трепетом ждали встречи с легендарным городом. И вот, в закатных лучах солнца – Севастополь. Я почему-то ждала увидеть строгий город, боевой и архитектурно заострённый. Но уже первые улицы показали, что он очень домашний, тёплый и уютный. Выгрузились возле старейшей гостиницы города – гостиницы «Севастополь», которая находится прямо над Артиллерийской бухтой или, как её все коротко называют – Артбухтой.

Не хотелось писать о плохом, но, пожалуй, стоит рассказать, что тут у нас случился некий казус. Подойдя в гостинице к стойке администратора, я увидела их удивлённые

глаза при виде такой большой группы и услышала, что на нашу группу номера не забронированы. Представляете, что мы в этот момент испытали? Девять часов вечера, мы все уставшие и голодные, наутро у нас первое выступление, а номера не забронированы. Это в Австралии достаточно просто позвонить в гостиницу и зарезервировать номер, в Севастополе оказалось, что вся моя длительная переписка с администратором гостиницы, состоявшая из двенадцати электронных писем, с перечислением имён членов нашей группы ничего не значила для неё. Оказывается, нужно было сделать что-то ещё, о чём она ни меня, ни представителей вызывающей нас организации не уведомила. К счастью, на ближайшие четыре дня они всё-таки смогли нас расселить. Только в десять тридцать вечера мы пошли ужинать. К счастью, это был единственный неприятный случай за время нашего пребывания в городе Севастополе и, к ещё большому счастью, в отличие от Австралии, здесь можно было легко найти место для ужина в столь позднее время.

Ресторанчик, где мы ужинали, а потом благополучно ели там каждый день и даже иногда по два раза в день, с лихвой компенсировал нам все наши переживания! До сих пор все с теплом вспоминают наши ежедневные вкусные посиделки в ресторане

«Борщок». Там был огромный выбор блюд русской и украинской кухни, всё тепло и по-домашнему. От выбора каждый раз разбегались глаза: десяток разных борщей, несколько видов супов, целая страница с перечислением сортов пельменей и вареников. А какой вишнёвый сок! А какой квас! Но больше всего, мне кажется, мы оценили сало, перетёртое с чесноком. Его подавали в небольшой плошке с любым количеством белого или чёрного хлеба. Потом ни один наш ужин или обед не проходил без этого сала.

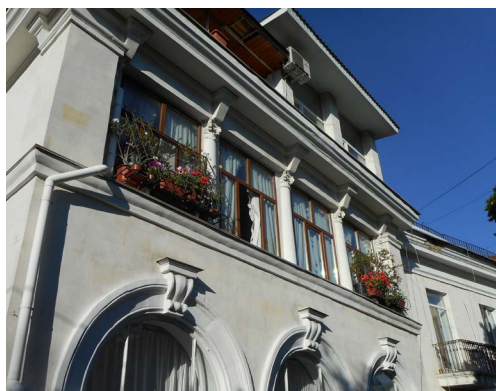
Утром за нами пришёл автобус, и нас повезли в Дом Офицеров на открытие фестиваля «Самородки». Нас очень тепло встретили все устроители этого мероприятия. С директором Культурного комплекса «Корабел» Любовью Михайловной Талах мы встретились как давно знакомые люди: наша длительная переписка и частые звонки нас заранее сблизили.

Нашему ансамблю предоставили отдельную гримёрную, где наши дети смогли спокойно расположиться в ожидании своего выхода. До начала концерта меня и Дитера неожиданно позвали в фойе: там нас ожидало телевидение. Так как Дитер не говорит по-русски, то на вопросы журналистов пришлось отвечать мне. Хорошо, что мы с Дитером оба были одеты в майки с эмблемой нашего ансамбля, и на экране это выигрышно смотрелось. За это огромное спасибо нашему замечательному дизайнеру Ксении Доценко! Очень удачной оказалась идея нашему коллективу иметь, помимо русских народных костюмов, ещё и простые футболки с нашим логотипом. В условиях севастопольского климата – тёплого и влажного – это было просто спасением. А наш фирменный кенгуру с балалайкой в Севастополе нашёл своих поклонников.

Так как мы везли с собой не все инструменты, то случились некоторые накладки. Но это всё мелочи. Конечно, после утомительных перелётов детям было тяжело сконцентрироваться на игре, но постепенно все вошли в норму, и непосредственно на конкурсном выступлении, которое прошло на следующий день в культурном комплексе «Корабел», наши дети во главе с Дитером Хауптманном показали, как зажигательно они могут играть. В итоге наш ансамбль получил Диплом Первой степени. Выше был только Гран-при. На конкурсе не давали первое, второе или третье место, а давали дипломы разных степеней, так как в одной номинации участвовали коллективы и солисты с весьма разным уровнем. Например, в конкурсе струнных оркестров выступал Оркестр народных инструментов Ступинской Филармонии (г. Москва) – это взрослые профессиональные музыканты, и в той же номинации наш детско-юношеский ансамбль. Как нас сравнить? Сложно, даже невозможно. Жюри конкурса больше оценивало наши старания и любовь к народной музыке, хотя и уровень, конечно, тоже учитывался. Очень верный, на мой взгляд, подход к разноплановым артистам из разных стран.

Неизгладимое впечатление на всех нас произвело общее шествие в день открытия фестиваля от Дома Офицеров к Графской Пристани. На пристани был сделан общий снимок участников открытия фестиваля. Потом под радостные возгласы в небо полетели воздушные шары. Такого синего неба и синего моря мы больше не видели нигде. За дни пребывания в Крыму мы всё время удивлялись, почему же это море когда-то назвали Чёрным? Вспомните песню: «Самое синее в мире Чёрное море моё...»

**1. Старый дом на Большой Морской улице;
2. Крест в память севастопольцев воинов-афганцев; 3. Порт**

Почти каждый день у нас было выступление. Трижды ансамбль выступал на Приморском бульваре: два раза у Дворца детского и юношеского творчества и один раз в «Ракушке». Для нашей семьи выступление в «Ракушке» запомнилось встречей с нашей многолетней подругой Александрой, многие аделаидцы могут её помнить по её приезду в Аделаиду в 2001 году. С тех пор Саша защитила диссертацию в юриспруденции и родила замечательного сына Петю, с которым мы впервые увиделись в Севастополе.

Один раз наш ансамбль выступил на Станции Юных Техников, где нас очень тепло встретили. Это было место, где мы, взрослые, окунулись в атмосферу своего детства, а нашим детям можно было показать, как было в наше время. Наверное, мы как-то незаметно для себя воспользовались машиной времени. Обстановка там была как в семидесятых годах. Именно в нашем далёком детстве встречались такие самоотверженные люди, как педагоги этого творческого центра: бессребреники, увлечённые своим делом. После концерта нас

ещё и накормили. Да как! Вкусно, сытно, домашнему. А потом сам директор, Домашенко Василий Сергеевич, сходил за мороженым для всей группы. На наши протесты отвечал, как же можно детям без севастопольского мороженого. Спасибо, Василий Сергеевич, за всё!

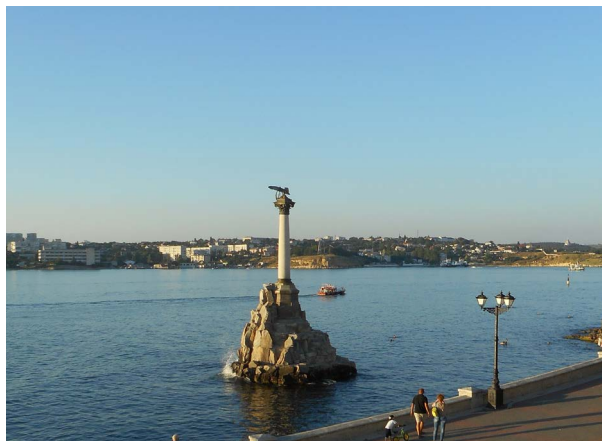
Вообще, было очень заметно, что детьми в Крыму занимаются с душой и полной самоотдачей. Какие музыкальные, танцевальные, певческие коллективы мы увидели! Конкурс «Самородки» за 11 лет своего существования стал самым масштабным событием года в Севастополе.

За эти годы конкурс привлек участников из многих стран мира: России, Украины, Белоруссии, Черногории, Китая, Новой Зеландии, Швейцарии, Бразилии. Теперь и наша Австралия приняла участие в этом замечательном празднике народного искусства.

Мне совсем не удивительно, что конкурс окреп именно на севастопольской земле. Очень заметно, что здесь много времени и сил отдают детям. Мы увидели много увлечённых педагогов. А сколько в Севастополе

**1. На бульваре;
2. Мини-библиотека на автобусной остановке;
3. Вид с Графской Пристани на Севастопольскую Бухту**

различных кружков для детей! Начиная с традиционных кружков рисования, кройки и шитья, бокса, танцев и до редких, на мой взгляд, авиамоделирования, астрономии, парикмахерского искусства, кружков юнг и юнг-историков, судомоделирования, судомехаников, командиров малых плавательных средств, связистов. Только в одном из центров я увидела объявление о кружках и насчитала их – 160! Представляете? Причём, большая часть из них были бесплатными. Прямо коммунизм в отдельно взятом городе: «каждому по потребности...»

Но самое большое впечатление на всех нас произвёл патриотизм севастопольцев.

Как они слушали наше выступление на Приморском бульваре! С первыми аккордами «Преображенского марша», когда наши дети имитировали барабанную дробь выстукиванием по своим балалайкам, сотни людей превратились во внимательных слушателей. Толпа реально замерла. Под конец марша у многих были слёзы на глазах. Причём, что меня поразило: не только у пожилых слушателей, но и у совсем молодых!

А как на бульваре «летели» звуки симфонического оркестра, исполнявшего «Севастопольский вальс»! Я теперь точно знаю, что от восприятия слушателей меняется само звучание. Думаю, музыканты всегда чувствуют,

В парке «Лукоморье» рядом с самой большой балалайкой в мире. Дитер мечтал её увидеть

Принимаем бурные аплодисменты после выступления в «Ракушке»

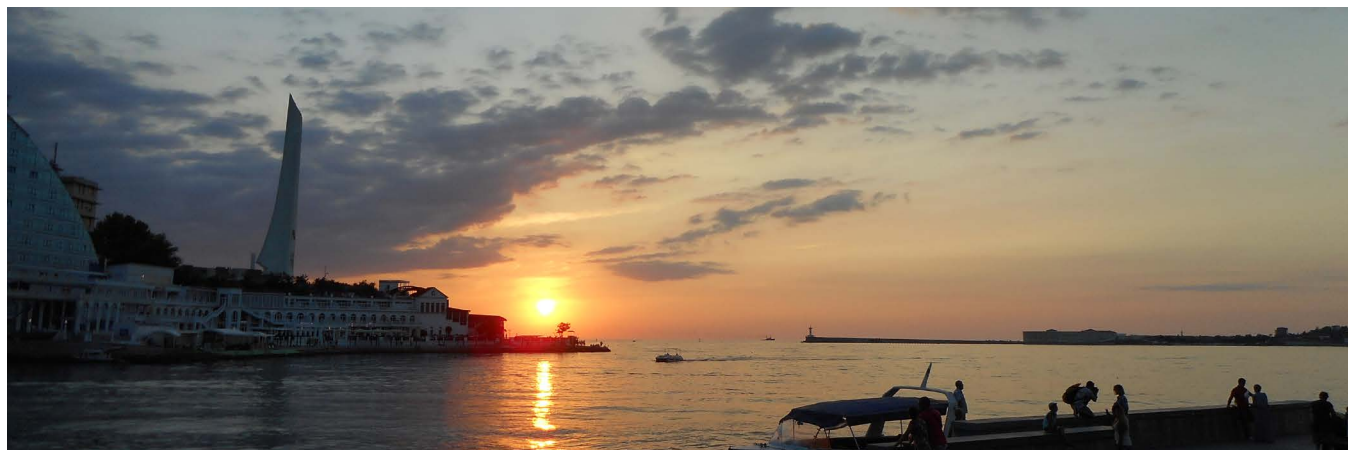
уходит ли всё в пустоту или отзывается в каждом сердце. Люди на бульваре при звуках знаменитого вальса останавливались, кто-то начинал подпевать, кто-то кружиться в танце. В это трудно было поверить, но всех «обняла» знакомая мелодия. Слова, написанные более 60 лет назад, звучали по-новому и даже глубже, чем раньше. Не зря именно на последнем куплете звук подпевающих голосов усилился: «...Мы вернулись домой, в Севастополь родной...»

Мне совсем не хотелось затрагивать политику, но в связи с Севастополем этого избежать не удаётся. Несколько севастопольцев рассказывали нам, как им всем было тяжело последние двадцать лет, они многое претерпели. Но когда пошло настоящее наступление на русский язык, когда украинские власти решили лишить права русских родителей обучать детей на родном русском языке, севастопольцы решили бороться, выйдя на митинг промозглым февральским днём 2014 года. Одна женщина, рассказывая об этом митинге, даже спустя время, прошедшее с тех пор, не смогла удержать своих слёз. Она сказала: «Мы тогда стояли и думали:

будем здесь до последнего. Мы готовы были пойти даже на смерть! Но не отступать...» Как показала жизнь, если бы они тогда не выстояли и не вернулись в Россию, сегодня они уже были бы лишены права обучения на родном языке.

Таких патриотов как севастопольцы я не встречала больше нигде! И земля эта каким-то образом притягивает к себе равнодушных людей. Девушка Анна, которая сопровождала нас почти во всех поездках, несколько лет назад побывав здесь, бросила Москву, где жила, и переехала в Севастополь. Аня рассказала нам, что увидев Севастополь однажды, она поняла, что нигде больше жить уже не сможет.

Земля в Севастополе и правда особенная. Наверное, не прошли даром страшные людские потери на этой многострадальной земле. Сотни тысяч погибших! Я не знаю, как объяснить это, но многие из нас почувствовали особенность севастопольской земли. В местах, где погибли сотни и тысячи, это очень сильно ощущалось физически. В некоторых местах сердце просто замирало. Я не знаю, как объяснить это и как рассказать, чтобы вы поняли. Не знаю. Только

Мыс «Хрустальный» на закате

В Херсонесе

почему-то на мысе Фиолент, на береговой оборонной 35-й батарее и у Свято-Никольского храма-памятника на Братском кладбище Севастополя хотелось просто сесть, посидеть и поплакать. Долго-долго...

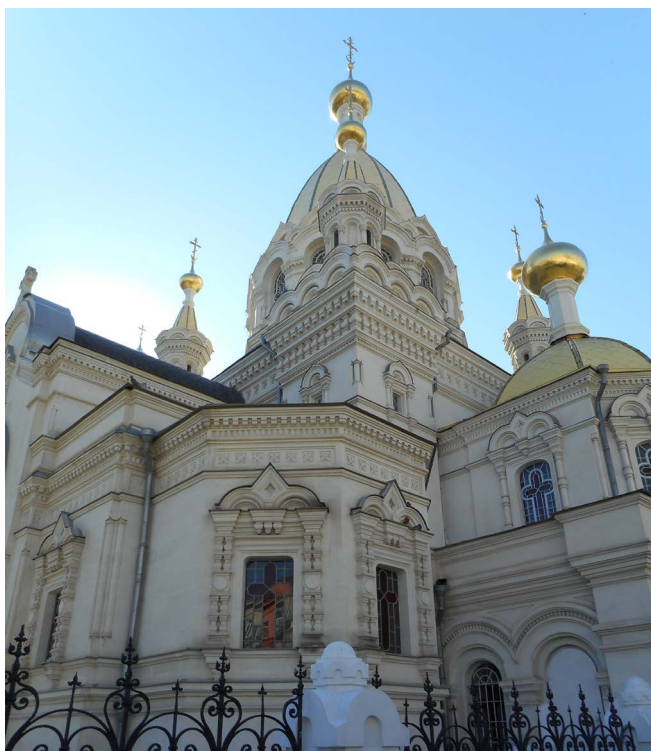
Неизгладимое впечатление на нас произвело посещение Херсонеса Таврического, где в 987 году принял Крещение святой равноапостольный князь Владимир, креститель Руси. Для Православной России Херсонес – купель Крещения, исток Православной веры. Князь Владимир крестился в храме Рождества Пресвятой Богородицы, который располагался на главной площади Херсонеса. На месте этого храма сейчас стоит величественный Свято-Владимирский собор. Собор кафедральный, то есть главный в Севастопольском благочинии. Это крупнейший по размеру собор на всём полуострове Крым. В соборе четыре престола. Нижний храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы стоит непосредственно на месте храма, в котором в 987 году крестился князь Владимир. Кроме того, в нижнем храме есть придел в честь святой равноапостольной княгини Ольги. Главный придел – Свято-Владимирский – какой-то парящий и возвышенный, расписанный в необычной цветовой гамме. В храме находятся мощи святого равноапостольного князя Владимира.

Что касается самого города Херсонеса, то хочу сказать, что древние развалины лично меня не впечатлили – ну, развалины и развалины. Наверное, это интересно археологам, а, может быть, у нас просто не хватило времени, чтобы проникнуться историей: нам на всю экскурсию было выделено всего полтора часа. Моё сердце тронули три цветка на выжженной земле у

многовековых стен – два алых мака и голубой неведомый цветочек. Сколько же нужно иметь жизненных сил, чтобы вырасти на такой сухой почве и, трепеща на жарком ветру, стойко держаться как символ жизни вечной.

В Крыму мы были всего десять дней. Мы посмотрели всё, что хотели: Панораму «Оборона Севастополя 1854-1855 гг.», уникальную Балаклавскую бухту, старинный храм Двенадцати Апостолов в Балаклаве, знаменитый парк «Лукоморье» с музеями мороженого и мармелада, Инкерманский Свято-Климентовский пещерный монастырь, средневековый город-крепость Чуфут-Кале, Бахчисарай и ханский дворец, Алупку, Ласточкино Гнездо, Воскресенскую церковь над Форосом, Воронцовский и Ливадийский Дворцы, потрясающую Ялту. Мы купались на севастопольском пляже «Хрустальный», где вода была необыкновенная по своей мягкости и шелковистости, и мы все почувствовали её отличие от австралийской морской воды. Каждое из этих мест заслуживает отдельного подробного рассказа...

В один из дней мы вдвоём с мужем побывали в соборе Святого Равноапостольного князя Владимира в центре Севастополя (не путать с Херсонесским). Это место захоронения русских адмиралов и морских офицеров, памятник архитектуры и истории. Собор расположен на Центральном городском холме, куда мы поднялись прямо от нашей гостиницы. Дальше пошли тихими старыми улочками, идя сначала параллельно Большой Морской улице, затем спустились на неё, прямо к великолепному Собору Покрова Пресвятой Богородицы. Пока ходили по маленьким тихим улицам, я поняла,

Собор Покрова Пресвятой Богородицы

что полюбила Севастополь всей душой. Тихие дворы, старые тротуары, коты в подворотнях, спелые вишни, пыль дорог южного города – всё это стало близким сердцу. Я не знаю, как сложится жизнь, но хочется надеяться, что когда-нибудь я ещё увижу этот удивительный город.

В предпоследний день, понимая, что я могу не успеть посмотреть то, что запланировала, предложила всей группе присоединиться ко мне для посещения уникального храма-памятника на Братском кладбище Севастополя. В тот жаркий день все устали от большой утренне-дневной экскурсии. Я тоже устала, но не поехать просто не могла. Предложила после получасовой передышки встретиться на причале парома, чтобы сначала переплыть

бухту, а потом автобусом доехать до кладбища и Свято-Никольского храма. Отозвались самые стойкие. Это был поистине героический поступок в жаркий день, поэтому я перечислю тех, кто поехал. Помимо меня и Кости поехали Марина Токарева, Лена Муравьёва, Ляля Гоголадзе с сыновьями Михаилом и Николаем Боярскими. Надо отметить, что Ляля с сыновьями – молодцы! – не пропустили вообще ни одной экскурсии.

Так вот, переправились мы паромом через Севастопольскую бухту, упарились в автобусе, доехали. Впереди холм, покрытый буйной зеленью, окружённый красивой кладбищенской оградой, стрекот цикад. А на холме пирамидальная церковь из светло-серого камня – это православный храм-памятник в честь Св. Николая Чудотворца, построенный в конце XIX века на Братском мемориальном кладбище. Одновременно это памятник защитникам Севастополя в период Крымской войны. Выбрав форму египетской пирамиды, архитектор стремился передать идею вечности.

Храм увенчан массивным многотонным крестом. С внешней стороны, на стенах церкви, размещены 56 диоритовых досок, с наименованием частей, которые отстаивали Севастополь в первую оборону 1854-1855 годов, с обозначением их численного состава, и количества павших в боях. В стены с внутренней стороны вмонтированы 38 досок из чёрного мрамора с именами 943 офицеров, генералов и адмиралов, погибших в дни обороны Севастополя 1854-1855 гг.

В годы Второй обороны (1942-1944 гг.) храм-памятник сильно пострадал: верхушка здания была разрушена, огромный крест рухнул на землю, часть его откололась. Те люди, кто видел

1. Первый Крест храма

2. Мы под куполом, на пути к звоннице

Св. Никольский храм на Братском кладбище

падение Креста во время бомбёжки, уверяли, что он падал не так, как падал бы камень на землю – он как пёрышко плавно опустился к подножью храма. Его так и оставили лежать в память об этом чудесном событии, подложив под него мраморную плиту.

А над храмом установили новый Крест. Здание восстановлено после Великой Отечественной войны в прежнем виде. В настоящее время церковь-памятник действует. Продолжается реставрация, в частности, восстановление диоритовых досок и мозаик.

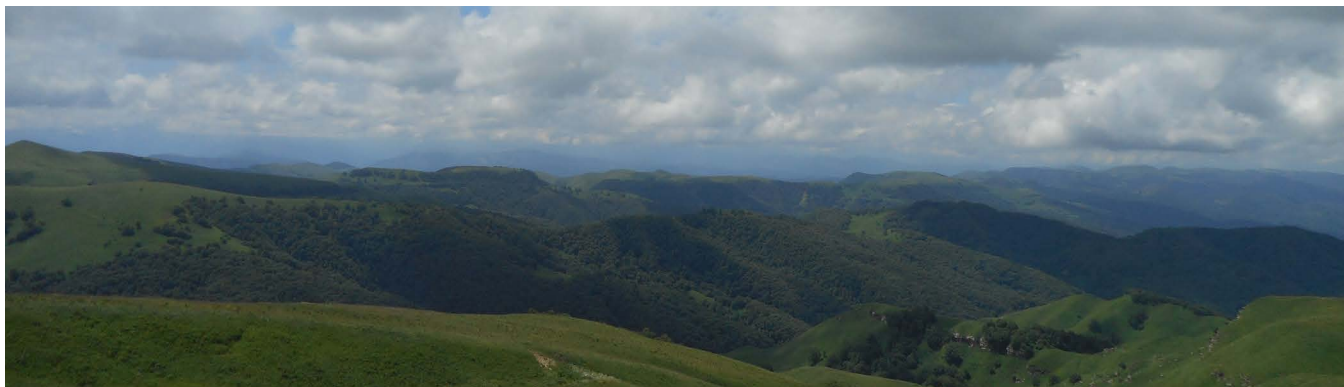
Мы пришли за час до начала вечерней службы. К нам подошла женщина и предложила рассказать об истории храма и кладбища. Мы с удовольствием выслушали её подробный рассказ, поблагодарили её. А я не могла оторвать взгляд от верхушки храма, так хотелось посмотреть колокола и лестницу к ним ведущую, потому что мне всегда интересны необычные архитектурные решения. Всё-таки это не было колокольной в привычном нам виде, и было интересно увидеть, как там внутри устроено. Женщина эта – к сожалению, мы не спросили её имени – как будто поняла, о чём я сожалею, и сказала: «Наш настоятель благословляет желающих подняться на звонницу». И мы, конечно, пошли.

Сначала лестница была спирально закрученной, затем, войдя в пространство купола, опять шла по спирали, но уже с большими по диаметру витками. И последний

пролёт шёл как стремянка: круто вверх. Поднявшись, каждый из нас неожиданно изнутрикупольного пространства попадал на открытую всем ветрам площадку звонницы. Мы всемером еле-еле на ней помещались. Уходить оттуда не хотелось, но надо было, так как внизу уже началась всеношная. Мы спустились, и женщины у свечного ящика нам светло улыбались, видимо им было ведомо, как «летали» мы наверху, под куполом, и над всем Севастополем.

Спуск от храма по главной аллее кладбища принёс свои впечатления о нашей истории, о наших русских людях, защищавших Родину. Здесь лежали воины со времён Крымской и Великой Отечественной войн (около миллиона захоронений!). Сколько могил, сколько судеб, сколько слёз близких и родных... Адмиралы, генералы, полковники, рядовые солдаты и матросы. Прямо за забором Братского кладбища раскинулись севастопольские улицы в основном с 3-х и 5-ти этажными жилыми домами. Там живут люди, у многих окна смотрят в сторону мемориального холма и такого удивительного храма. Удивительного не только своим архитектурным решением, но и чем-то другим. Не зря в храме висит большая

На перевале Гумбаши

икона, где Святитель Николай Мирликийский держит в руках этот храм – памятник русским воинам, сложившим голову за свою отчизну.

В последний вечер мы, уставшие после экскурсий и выступлений, радостные, что всё так хорошо прошло и грустные от мысли о расставании с чудесной крымской землёй, собрались на прощальный ужин в «нашем» кафе «Борщок». Наши дети, голодные после напряжённого дня, заказали себе так много еды, что мы думали, что они или не доедят, или лопнут. Но они доели, не лопнули и попросили с нашего стола ещё сала с хлебом. Вот так мы попрощались с Севастополем. Ранним утром, ещё до восхода солнца мы уехали. С мечтой когда-нибудь вернуться в этот удивительный город, в этот удивительный край.

Вся наша группа разлетелась в разные города, с желанием навестить родственников и друзей. Наша семья полетела в Минеральные Воды. Там нас встретила наша близкая родственница Елена, и мы поехали на долгожданную встречу с родным городом Кисловодском. Мы не виделись двадцать три года и одиннадцать месяцев.

Кто никогда не был на Кавказе, тому трудно

объяснить, что Кавказ – это особое место на земле. Не зря ведь Лермонтов писал о горах Кавказа: «Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз. Как сладкую песню отчизны моей, люблю я Кавказ...» Сам воздух здесь другой. Это всегда чувствовалось уже в Минеральных Водах. Ну, а когда подъезжаешь к Кисловодску, да ещё и на закате...

Родной город описывать трудно. Как только мы добрались до дома Лены, начал накрапывать дождь. Спокойный летний дождь тихо шуршал по листьям деревьев в саду, отстукивал по крыше. Так тихо и ласково, как он может идти только в родном городе. А на следующий день в саду я нагнулась понюхать цветок, и мой взгляд упал на землю: такой цвет почвы только на моей малой родине. В этот момент я поняла, что фраза «родная земля» – это не пустой звук. Вот именно эта, кисловодская, земля знакома мне всеми своими оттенками и консистенцией в любую погоду. Я помню, как она перекапывается на огороде, помню, какие детские куличики из неё лепятся, помню, как в распутицу она налипает к сапогам и как лень смывать её в тазике. А какие в ней дождевые червяки! Когда мы в детстве лепили куличики,

Нарзанная галерея и фонтан «Лягушки»

На замке «Коварства и Любви»

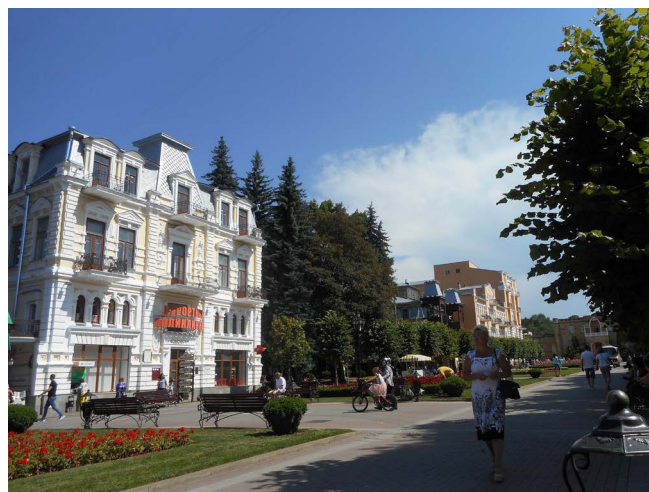

Каскадная лестница

непрерывно изучали строение червяков. Я уже полжизни живу в Австралии и очень её люблю. Но ничто не затмит для меня кавказское разнотравье, скалы, шумные горные речки, коров и овец, пасущихся на крутых склонах гор и эту землю, которую я знаю до крупиночки.

В первый день в Кисловодске мы вышли из дома, и пошли по местам нашего детства. Прошли по улице Жуковского к школе номер два, где учился Костя, попутно вспоминая, где кто из одноклассников жил. Потом прошли через центр города, заглянув у Желябовского моста в бювет с нарзаном, где произошло, можно сказать, историческое событие: наш сын впервые попробовал знаменитый нарзан! Эта минеральная вода – кислая вода – от названия которой произошло название города Кисловодска, самая вкусная минералка на свете. Андрею понравился нарзан (кабардинское и черкесское название Нарт-санэ: «напиток нартов», «напиток богатырей»). Ещё он впервые увидел кисловодский складной стаканчик и удивился его удобной конструкции.

Дальше мы прошли через центр города, и попали на ту сторону, где прошло моё детство. Улица Кутузова тянулась вверх, к моей любимой школе, а дальше, к дому, где я родилась и прожила больше двадцати лет с перерывами на учёбу в других городах. Так хотелось увидеть мой детский сад на улице

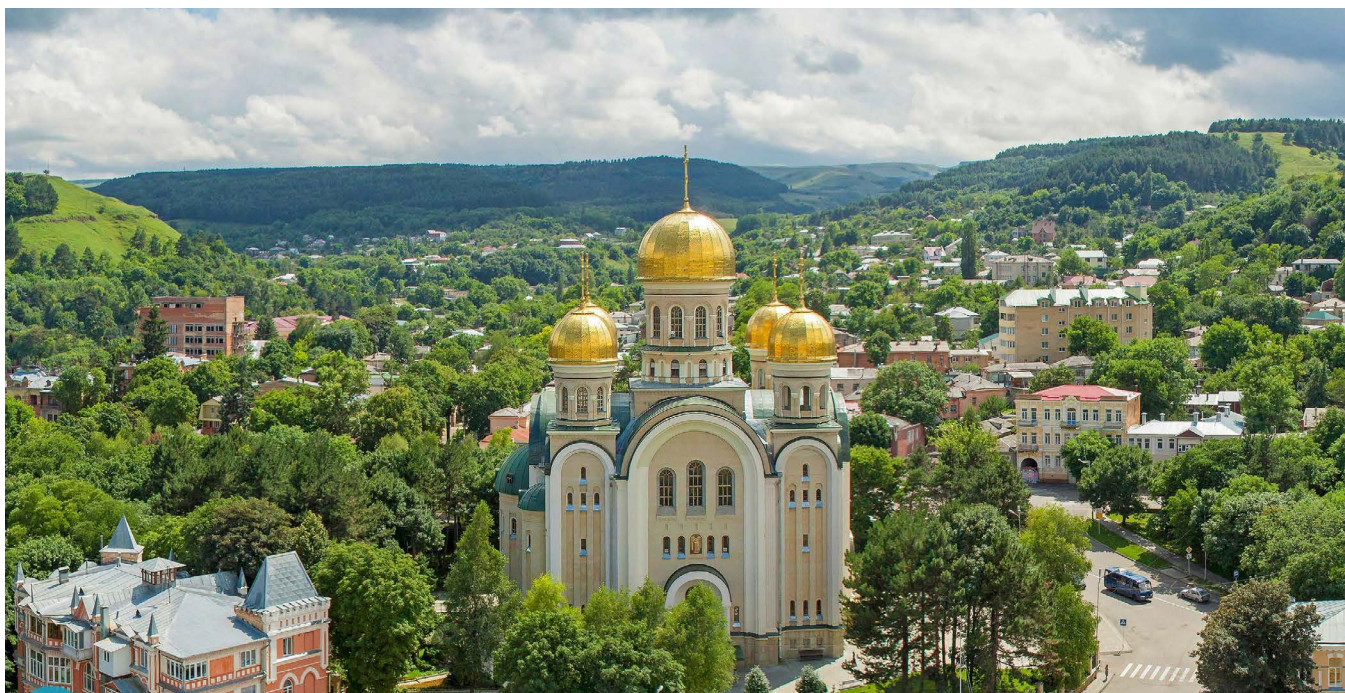
Курортный бульвар

Линейной, но, к сожалению, здание было разрушено и сейчас всё вокруг заросло травой и бурьяном выше человеческого роста. У нас был детский сад с бассейном во дворе и игровыми площадками с павильонами для каждой возрастной группы. А теперь старые берёзы, переросшие в коряги, дали молодую поросль берёзок. Но из этого импровизированного леса не выкатился сказочный Колобок, а выбежали при моём приближении бродячие коты. Как жаль, что не стало места моих первых детских воспоминаний.

В остальном Кисловодск нас порадовал многими улучшениями, отреставрированными историческими зданиями. Так же как раньше, по всему городу были красивые клумбы. Порадовал кисловодский рынок с низкими ценами на очень вкусные и свежие продукты местного производства. Трудолюбивый народ выращивает зелень и овощи, держит скот, который даёт мясо и молоко. Ну а уж местные молочные продукты, особенно сыры с другими не сравнить – вкус, знакомый с детства.

Моя родная улица показалась мне маленькой и не совсем уже моей. Хотя все дома и сады на месте, все соседи те же (мы с мамой поддерживаем с ними отношения до сих пор: ведь у русских людей, вы знаете, соседи часто, как родня). На улице в разгар рабочего дня было пустынно. И тут у нас

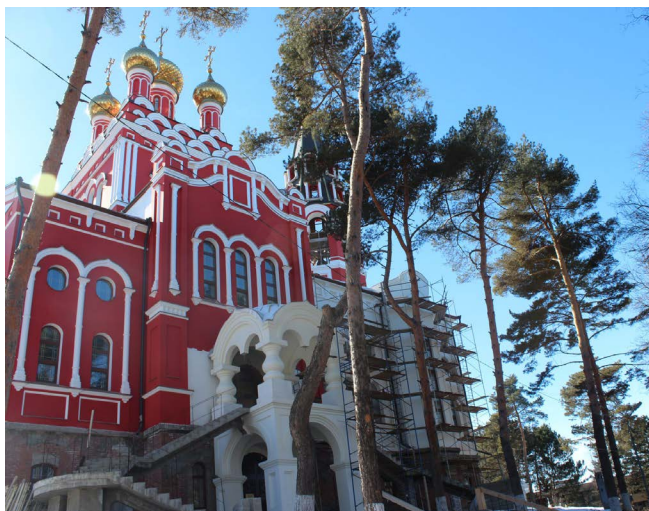

Свято-Никольский собор Кисловодска

произошла интересная встреча. У одного из заборов болтались от скуки два мальчишки младшего школьного возраста. Пока мы стояли у моего родного дома и без всякой надежды зайти во двор, разглядывали родные стены, двор, серебристую ель, посаженную моими родителями на моё рождение и выросшую теперь выше двухэтажного дома, мальчишек медленно, но неодолимо тянуло к нам. Ведь интересно же, кто на их маленькую тихую улицу пришёл. Мы говорили про дом, рассматривали его, рассказывали сыну Андрею какие-то интересные случаи из нашей прожитой здесь жизни, а мальчишки во все глаза смотрели на нас. И тут я решила их расспросить, кто они и чьи дети. Хотя, глянув на них, я сразу догадалась,

их ответ уже не был так необходим. Я спросила младшего: «Наверное, твоего дедушку звали Варужан, а папу Говик?» Он ответил: «Меня зовут Варужан, а папу Говик, а дедушки у меня нет». Надо же, когда мы уезжали, его папе Говику было семь лет, как теперь семь лет уже его сыну. Мы очень долго не были в родном городе и пропустили целое поколение.

В Кисловодске за это время построили и восстановили несколько православных храмов. Может быть, некоторые наши прихожане помнят, как лет пятнадцать назад на Пасхальной выставке в Русском Доме Аделаиды я продавала открытки с аппликациями, сделанные моей крёстной из засушенных цветов. Мы с ней пытались финансово помочь строящимся кисловодским Свято-Николаевскому собору и храму Пантелеймона Целителя, которые восстанавливались на месте разрушенных в советские годы. Моя замечательная крёстная, Светлана Петровна Федонюк, на протяжении почти трёх десятилетий активный помощник сначала строительства, а теперь и приходской жизни, многолетний учитель в приходской школе Свято-Пантелеймоновского храма. Она – выдающийся архитектор, по её проектам построено много зданий в Кисловодске и по всей стране, некоторые из них являются настоящим украшением городов. Моя мама и моя крёстная много лет проработали вместе в «Гражданпроекте» – строительно-

Храм Пантелеймона Целителя

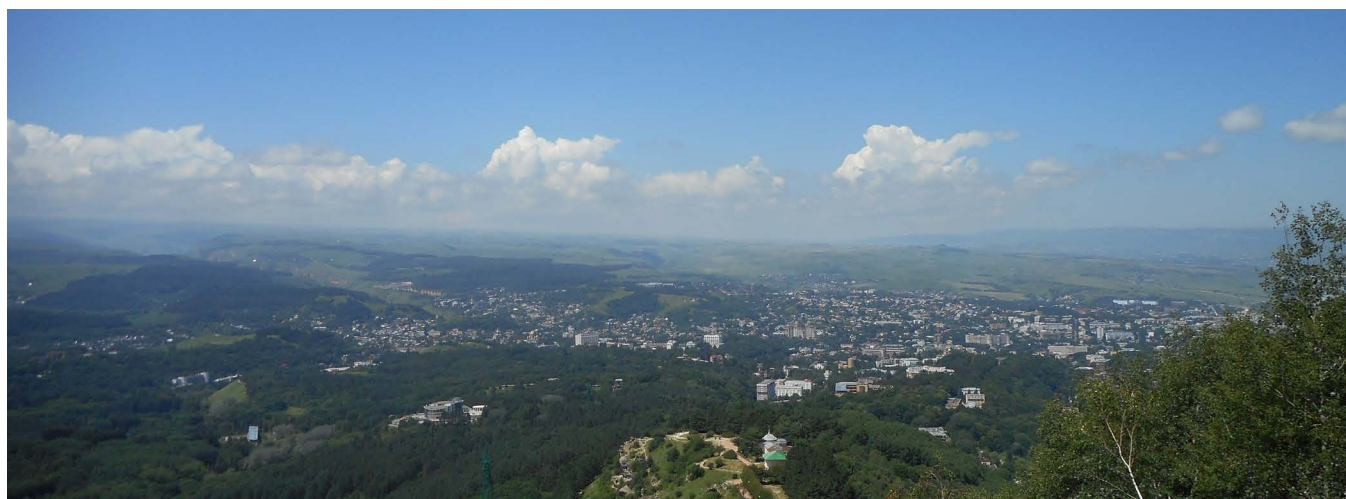
архитектурной мастерской г. Кисловодска. Я знаю многих их коллег. С некоторыми повидалась в этот приезд. Два раза виделась с дорогой Зинаидой Павловной Петровой, одним из авторов проекта Свято-Николаевского собора. Низкий ей поклон от всей нашей семьи за душевную отзывчивость настоящей христианки! За всё, что она сделала для нашей семьи в 1993 году до конца невозможно отблагодарить.

Сразу после приезда я хотела пойти на кладбище, где похоронен мой отец. Папа умер в Кисловодске в год нашего отъезда в Австралию. На его могиле я ни разу не была. Друг моих родителей, Владимир Сергеевич Петриченко, должен был пойти с нами и показать, где похоронен мой отец. Но я никак не могла до него дозвониться. Потом моя крёстная сказала, что он занят: его жена в больнице. А я поняла, что ждать не могу. И мы сами поехали на кладбище. Хорошо, что моя мама рассказала мне, в какой стороне от входа на кладбище папина могила. Мы зашли и пошли в указанном направлении. Кто был на российских старых кладбищах, тот знает, что значит в этих зарослях цветов, кустов и деревьев кого-либо найти. Дорожек и тропинок не было совсем. И всё это, представьте, на склоне горы. Мы втроём пробирались через заросшие бурьяном могилы. Остановились на минуту передохнуть, и мой взгляд привлекло дерево вдали. Я как-то сразу поняла или почувствовала – там папа. Судя по указаниям, которые я запомнила, надо было идти чуть левее, но я, увидев то дерево, напрямик пошла к нему. Меня настолько привлекла его крона, что я уже ничего

другого не замечала вокруг. Дойдя до дерева вплотную, я остановилась, задрав голову, разглядывала листву, не видя ничего вокруг. И тут Костя говорит: «Вот же твой папа». Могила оказалась прямо под этим деревом. Мы втроём прорвали немногочисленные сорняки: спасибо Владимиру Сергеевичу за то, что он следит за могилой. Наведя порядок, мы положили на могилу букет ромашек и маленькую игрушечную коалу, привезённую специально для моего папы из Австралии. Здесь было хорошо и уютно, и мне ещё долго не хотелось уходить.

В один из следующих дней мы навестили могилы Костиных родных. Его бабушка и отец тоже умерли в наше отсутствие. Так что Андрей никогда не увидел двух своих дедушек (один умер до его рождения, один вскоре после), но теперь побывал на их могилах. Мне кажется, для нашего сына это была важная поездка. Я видела, что он почувствовал свои корни и что-то для себя открыл. Нам всем так важно знать, а, главное, помнить: откуда мы, и кто был до нас...

Из наших поездок запомнилась поездка в Северную Осетию, в Цейское ущелье. Впервые я побывала в Цее тридцать один год назад с коллективом института «Коммунпроект», где я работала в то время. Тогда я в первый раз увидела настоящие горы. В некоторых ущельях небо можно увидеть, только задрав голову кверху. Очень хотелось показать эту высокогорную красоту нашему сыну, и мы поехали в однодневный тур. С погодой не повезло: на подступах к Осетии начался нескончаемый дождь, он, к большому нашему

Вид на Кисловодск с Олимпийского Комплекса

Скульптура Святого Георгия по пути из Алагира в Цейское ущелье

сожалению, не дал рассмотреть дальние дали и снежные вершины с никогда не таящим снегом. Но, благодаря дождю, было много интересных и смешных моментов. Когда наш экскурсовод сказала, что может вернуть нам часть денег, так как мы из-за дождя не поедem на канатной дороге к вершине, многие туристы решили, несмотря на дождь, всё-таки ехать. Не зря ведь мы добрались до Цей целых шесть часов.

Цейское ущелье – это место потрясающей красоты, с заснеженными пиками, бурными горными реками и водопадами, густым хвойным лесом, альпийскими лужайками и чистейшим воздухом. А зимой это место превращается в горнолыжный курорт. В хорошую погоду, путешествуя канаткой, можно увидеть Кальперовский и Цейский хребты, горы Адай-Хох (4410 м над у/м) и Монах (2990), Сказский ледник (не от слова «сказка», а от названия реки Сказдон). Верхняя точка, до которой можно добраться канатной дорогой Цей – Зелёный холм. Протяжённость маршрута – более 1,5 км, которые канатка проходит примерно за полчаса и поднимает на пятьсот метров (с 2000 метров до 2500 метров над уровнем моря). Канатная дорога проложена прямо над рекой Цейдон и Сказским ледником, одним из двух крупнейших в Цее, и поездка на канатной дороге – это лучший способ осмотреть его.

В верхней точке подъёма канатной дороги стоит современное артиллерийское орудие, при виде которого некоторые туристы думают, что это орудие со времён войны, но на самом деле оно используется для того, чтобы стрелять по снежным вершинам для предотвращения

Свято-Вознесенский Собор (Йесо Чырыстийы Заердаеваераены Дзуар - осет.) г. Алагир

самопроизвольного схода масштабных лавин. Пока мы поднимались, дождь шёл не переставая. Полтора часа под этим дождём подарили нам хлюпающую обувь и одежду, которую после спуска пришлось выкручивать, иначе мы боялись затопить собой автобус. Но красота наверху стоила промокшей одежды.

О красоте гор я не могу рассказывать без придыхания. Горы – это то, что я люблю больше всего из природных красот. Кто бывал в горах, поймёт, а кто нет, словами тому не опишешь. Долгий путь в Цей и обратно порадовал всех туристов нашего автобуса вкусной, домашней национальной осетинской кухней. Впечатлили дороги в Кабардино-Балкарии: чистые, с хорошим покрытием, вдоль дороги аккуратные аллеи деревьев, где ствол каждого дерева побелен снизу известью для борьбы с насекомыми-паразитами.

Из неприятного в поездке в Цей – это наш экскурсовод, этакая самоуверенная и малообразованная мадам. Нас очень утомили её безостановочные псевдоисторические глупые истории с языческим налётом. Мы ехали по Кабарде и Осетии, где народы одними из первых приняли христианство. Эта земля с её древнейшими православными храмами, с традицией и историей требовала более уважительного отношения.

Что рассказать вам ещё о нашем пребывании в Кисловодске? Много не передашь словами. Здесь можно просто сидеть и смотреть на колышущийся лист на дереве, можно ходить по самому большому в Европе парку часами, днями, даже годами. И все эти тропинки нами

когда-то исхожены, и каждый поворот знаком.

Мы встречались с одноклассниками Кости. Не все смогли собраться, но те, кто был, порадовал нас своим приходом и тем, что у всех всё хорошо в семье и на работе. И даже я, чужая для их класса, почувствовала в них родственные души.

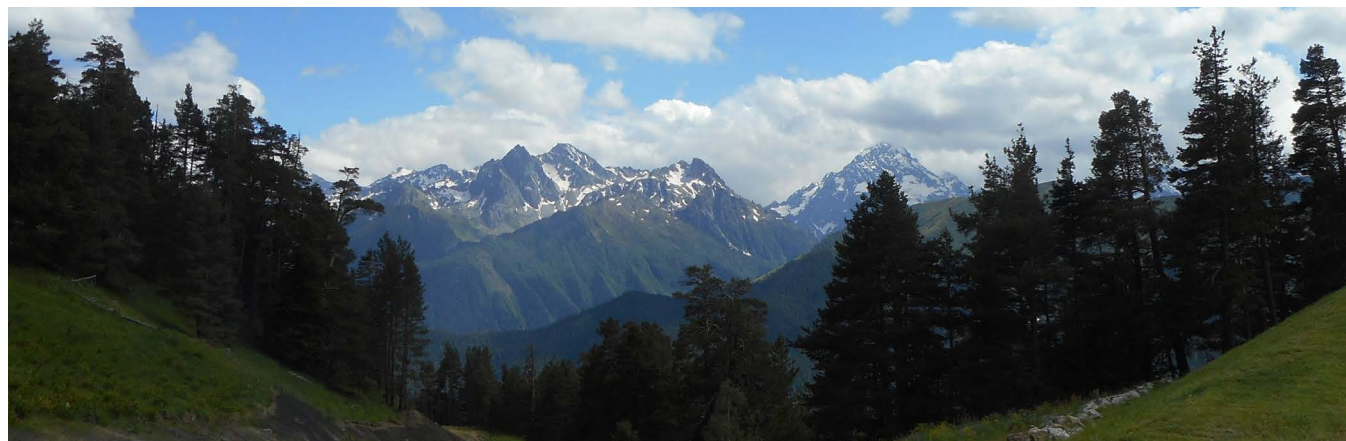
Лучший школьный друг Кости – Игорь – свозил нас на целый незабываемый день в Архыз. Кто не знает, что такое Архыз, скажу – это горная сказка. Перевалы, козы тропы, ущелья, аулы у скал и в низинах, пасущиеся козы и коровы где-то в вышине, канатная дорога для лыжников, никогда не тающий снег на вершинах. Отдельным подарком для нас было посещение территории древнего аланского городища, где чудом сохранились три храма. Разрушенный, оставленный город, когда-то бывший христианским центром Северного Кавказа. Почти две тысячи лет назад в долину реки Большой Зеленчук пришли из Центральной Азии кочевники – аланы. Пришли и остались на 15 веков. Здесь они создали своё государство, построили свою столицу и приняли Православие. Аланское государство вело торговлю и процветало, ведь по его территории проходил Великий шелковый путь, ведущий к черноморским портам Абхазии.

До возвращения Крыма домой, архызские храмы были древнейшими православными храмами в России (IX век). Теперь древнейшим российским храмом считается один из керченских храмов (Крым). В архызских храмах богослужения совершались за век до Крещения Руси, они на целых три века старше, чем знаменитый Покров на Нерли.

Самый маленький из них, Ильинский храм, был открыт в тот день, и мы смогли увидеть его

внутри. Этот храм крошечный, всего шесть на семь метров. Там есть чудесные древние иконы с мощевиками: Св. Георгия и Св. Николая Чудотворца. Посещение этого храма дало необыкновенное ощущение. И не удивительно, что когда-то давно, ещё в советские времена, одна моя знакомая уверовала в Бога, просто ежедневно гуляя в зарослях возле этих древних храмов. На другой стороне ущелья как раз в сторону трёх храмов смотрит со скалы лик Христа, видимо, написанный монахами, согласно исследованию учёных приблизительно в X веке, но обнаруженный только недавно, в мае 1999 года.

Из этих замечательных мест не хотелось уезжать, но солнце уже уходило за вершину горы, а, значит, скоро должны были прийти быстрые в горах сумерки. Обратный путь через перевал Гумбаши прошёл уже в полной темноте, что сильно снизило нашу скорость. То там, то здесь надо было объезжать камнепады и остатки дождевой сели. Но мы наслаждались уютом в тёплой машине и неторопливым разговором с другом юности. Мы рассказали ему, что несколько дней назад были в Цейском ущелье, сравнивали с Архызом. Вспоминая подробности цейского путешествия, рассказали Игорю о нашей утомительной экскурсоводше. А Игорь сказал, что у него есть знакомый экскурсовод, который в свою очередь иногда рассказывает ему о нерадивых туристах. Был у этого экскурсовода такой случай. Проезжали они очередные красоты с крутыми горами, на которых паслись коровы. Один из туристов спросил, а как, мол, они не падают вниз с таких крутых склонов. Экскурсовод, решив подшутить, говорит: «А у нас на Кавказе вывели новую породу коров

Архыз

Южный Зеленчукский храм Св. Илии (IX век)

— у них справа ноги короче левых, так они и ходят вокруг горы, не падая». В автобусе наступила тишина, все переваривали новость. Через несколько минут сзади послышался неуверенный голос: «А некоторые коровы были головой в другую сторону повернуты...» Экскурсовод не растерялся и ответил: «Так это другая порода: у них левые ноги короче правых!» Жаль, история умалчивает, какова была реакция туристов на это сообщение о «селекции мирового масштаба».

К сожалению, из-за некоторых обстоятельств я не смогла увидиться со своими одноклассниками. Я надеюсь на эту встречу в ближайшем будущем. У нас очень дружный класс, мы росли все вместе, начиная с ясельного возраста, потом детский сад, потом школа. Так как в нашем классе 17 человек родились в кисловодском роддоме в одном месяце, в феврале, то можно с уверенностью сказать, что многие из нас знают друг друга с рождения. Так что в моих планах есть встреча с родным городом и с одноклассниками, которых жизнь раскидала по всей России.

Северный храм Зеленчукского городища, предположительно посвящён Св. Николаю

Через несколько дней мы покинули родные места и полетели в Санкт-Петербург, к моей школьной подруге Ларисе. Мы учились с ней в разных школах, но, встретившись однажды, никогда друг друга уже не теряли. Когда Лариса жила на Камчатке, а я ещё в Кисловодске, мы писали друг другу письма каждый день! Почтальон тётя Нина говорила, что она, благодаря нашей переписке, перевыполняет план. Наш семнадцатилетний возраст и необременённость семьями, давали нам возможность писать друг другу каждый день. Знаете, какое это счастье получать каждый день письмо? Вы когда-нибудь получали?

Предвкушение встречи подняло мне настроение так, что хотелось обогнать самолёт своим ходом, вприпрыжку! Когда мы сели в такси, мне было так радостно и так хотелось поделиться этой радостью, что я легко разговорила таксиста, и он по пути провёл нам мини-экскурсию. Я вспомнила, как много лет назад мой папа шутил с таксистами, называя адрес, говорил: «Улица такая-то, дом номер 5, второй этаж», на что таксисты обычно отвечали смехом. Приближаясь к дому Ларисы, я уточнила куда подъезжать: «Предпоследний подъезд, восьмой этаж». Шутка понята не была, шофёр недоумённо ответил: «Там же лифт есть!»

Мы вошли в подъезд со своими шестью чемоданами. А вот и нет! Таксист ошибся. Как сказала через десять минут Лариса: «Здравствуй, Родина!» — лифт не работал. Андрей это понял как-то быстрее нас, а я всё надеялась на чудо, нажимая кнопку вызова и прислушиваясь к шорохам в шахте лифта. Наш доктор в Австралии говорил, что чтобы выздоровело моё больное колено, надо преодолевать тысячу ступенек в день. Теперь я знаю, что ровно тысяча ступенек — это три раза спуститься и подняться на восьмой этаж. В общем, спасибо поломанному лифту за моё чудесное исцеление! А лифт починили как раз в день нашего отъезда.

Наши с Ларисой чувства при встрече, думаю, трудно передать. Мы не виделись двадцать четыре года, её троих детей мы видели впервые, как и она — нашего младшего сына. Но, по моему, у всех нас сразу создалось впечатление, что мы все давно друг друга знаем. Дочери

Ларисы во все глаза смотрели на меня, старшая сказала, что они всю свою жизнь, с самого детства, столько слышали рассказов мамы о подруге Наташе, что им даже не верится, что я здесь. Я их понимаю. В моём детстве тоже были рассказы о человеке из родного города моих родителей, и, когда, наконец, я его увидела вживую, было ощущение ожившего литературного или даже сказочного персонажа. И удивление: надо же, оказывается этот человек и правда существует!

Мы не могли наговориться. Нам было хорошо и уютно и дома, мы могли все пять дней просидеть, болтая, на кухне, но всё-таки мы приехали и посмотреть, каким стал Питер. Мы ведь были здесь, когда он назывался ещё Ленинградом. Кстати, в отличие от других коммунистических названий, для меня, благодаря великому поэту Осипу Мандельштаму слово Ленинград звучит тепло и ностальгически.

Отреставрированный Петербург нас порадовал. Немножко разочаровали толпы туристов и дороговизна везде, даже в оплате за поездку на городском автобусе. Этот город для жизни дороже Москвы, зато здесь спокойнее, медленнее бег времени. Красоты Петербурга описывать нет смысла: все его знают. Последний раз я была здесь тридцать один год назад. И, если все города порадовали меня тем, что люди стали лучше и добрее, в Питере, мне так показалось, народ пошёл в другую сторону. Может быть, раньше ещё были живы блокадники, и это давало свой смягчающий результат. Конечно, это моё субъективное мнение, но, кажется, раньше в этом многострадальном городе было теплее. Я сужу по пешеходам, по простым людям в автобусе, за прилавком магазина: взгляды их стали жёстче, чем были раньше.

От дома Ларисы до центра города час езды на автобусе. В транспорте я не сижу как все с неизменным смартфоном, а я люблю наблюдать за людьми и рассматривать пробегающий пейзаж за окном. За час многое можно увидеть. В Питере в автобусах работают кассиры. Увидев это, поразила такому атавизму. Вспомнился анекдот: а динозавры у вас тут ходят? Так вот, ты заходишь в автобус, садишься, если есть место, а кассир сам подойдёт к тебе за оплатой.

1986 год, г. Кисловодск

Осевая симметрия

Тепло и радостно подругам,
Не будет дружбе их конца.
Отобразились друг на друга
Их беспокойные сердца!

написано Ларисой в 1986 году

2017 год, г. Санкт-Петербург

Мы вдвоём с Андреем зашли и сели впереди, я приготовила деньги за проезд, а кассир всё не идёт и не идёт. Я обернулась и позвала её. Женщина-кассир подошла и с удивлением сказала, что она нас с кем-то перепутала, думая, что мы уже заплатили, и добавила, что поражена тем, что мы не затаились, не заплатив, как это обычно делают в такой ситуации, а позвали её.

Это, на мой взгляд, или плохо характеризует людей, или говорит о том, что многим высока стоимость проезда. Кстати, семье из пяти человек выехать куда-то, скажем, в центр, на автобусе и обратно будет стоить 450 рублей. Хорошая зарплата – 40-60 тысяч рублей в месяц, а у учителей, например, только 30 тысяч в лучшем случае. А если автобус плюс метро, всё – остался без обеда.

Многим, даже, пожалуй, большинству людей тяжело или очень тяжело финансово. Это нам, с нашими австралийскими долларами

хорошо путешествовать. И то, некоторые вещи там дороже, чем в Австралии: гостиницы, одежда, автомобили. Стоимость продуктов, мебели, электробытовых приборов и много другого – копейка в копейку как в Австралии, где зарплаты в разы выше.

Но я бы не хотела заканчивать свой рассказ на грустной ноте. Скажу, что с первого дня на российской земле у меня возникло чёткое убеждение, что Россия – великая страна. Несмотря на трудности. Может, даже именно благодаря им.

Основной смысл любого путешествия – это не новое для тебя место на карте, а новый взгляд на жизнь. И мы получили его.

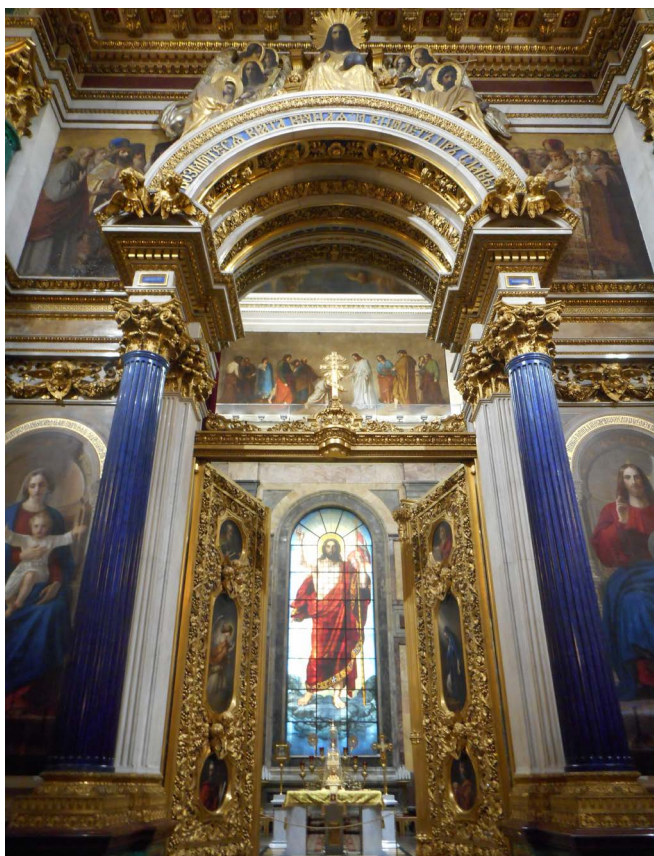
Что такое Родина? Для меня – это то место, где я родилась и выросла, это русский язык,

который я люблю всем сердцем и люблюсь каждым словом, это друзья и родные, мои учителя и ученики, ветка сирени и куст пионов, пение дрозда и подснежники на проталинах.

Я с этим выросла. И тем радостнее было слышать ответ моего сына, рождённого и выросшего в Австралии, на вопрос моей сестры о том, что он чувствует в России, он ответил: «Я вернулся домой».

Послесловие

Через несколько недель после нашего возвращения в Австралию, Дитер Хауптманн получил музыкальный журнал из США, где была опубликована статья о нашем участии в Международном конкурсе в Севастополе. А также сообщение о том, что следующий международный конкурс балалайки они предлагают провести в Америке. Дитер приехал к нам, поделился этой новостью и показал журнал. А потом, засмеявшись, сказал: «Наташа, смотри: немец и русская смогли повлиять на американцев!»

Алтарь в Исаакиевском соборе

На Стелке Васильевского острова

Путешествие по русской дороге

«У России нет никаких границ, у России есть только горизонт»

Из песни «Ермак», автор Игорь Растеряев

За долгие годы жизни в Австралии Людмила Анатольевна Филинкова только однажды была две недели в Москве, а целых двадцать лет она не навещала родной город Екатеринбург.

Людмила Анатольевна, на мой взгляд, самая заслуженная бабушка Аделаиды. Не имея, к сожалению, своих внуков, она вынянчила целую роту наших русских детишек. С кем-то пару раз посидела, выручив родителей, а кто-то из детей проводил с ней время отсутствия работающих родителей каждый день из года в год. И всё это на добровольных началах, просто из желания помочь молодым родителям, в условиях эмиграции не имеющих своих бабушек. Также многие годы она ухаживала за своей мамой, Ольгой Васильевной.

И вот, впервые за эти годы у неё появилась возможность полететь на родину. Сын Алексей – такой молодец! – купил для своей мамы билет в бизнес-класс. И она полетела, по её словам, как королева. Чего она бесспорно заслужила!

Людмила Анатольевна встретила в России со своей давней подругой, и они всё время путешествовали вместе. Побывали в Москве, Петербурге, Тихвине, Суздале, Екатеринбурге. Посещали музеи, выставки, театры. Но главное и самое сильное впечатление на Людмилу Анатольевну произвели храмы и монастыри России. Где-то за эти годы их восстановили или просто отреставрировали, где-то возникли новые, такие как мужской монастырь святых

Подружки-путешественницы.

Слева – Людмила Анатольевна Филинкова

Царственных Страстотерпцев в урочище Ганина яма под Екатеринбургом. Это один из самых молодых монастырей в России. Он создан на месте острейших драматических событий, где была поставлена последняя точка в земной жизни членов последней Царской семьи. Именно сюда в июле 1918 г. из ипатьевского дома Екатеринбурга были привезены для уничтожения тела членов Царской семьи, а также их верных слуг. В последнее десятилетие XX в. на Ганину яму устремились паломники со всех концов России. В 1991г. в д. Коптяки (расположенную неподалеку от урочища Ганина яма) приехал известный русский писатель Владимир Солоухин. Его проводником к месту трагедии стал старик, который ещё мальчишкой видел место, где сжигали останки. В том же 1991 г. по благословению архиепископа Свердловского и Курганского Мелхиседека на Ганиной яме был установлен первый Поклонный крест. 17 июля

Ганина яма

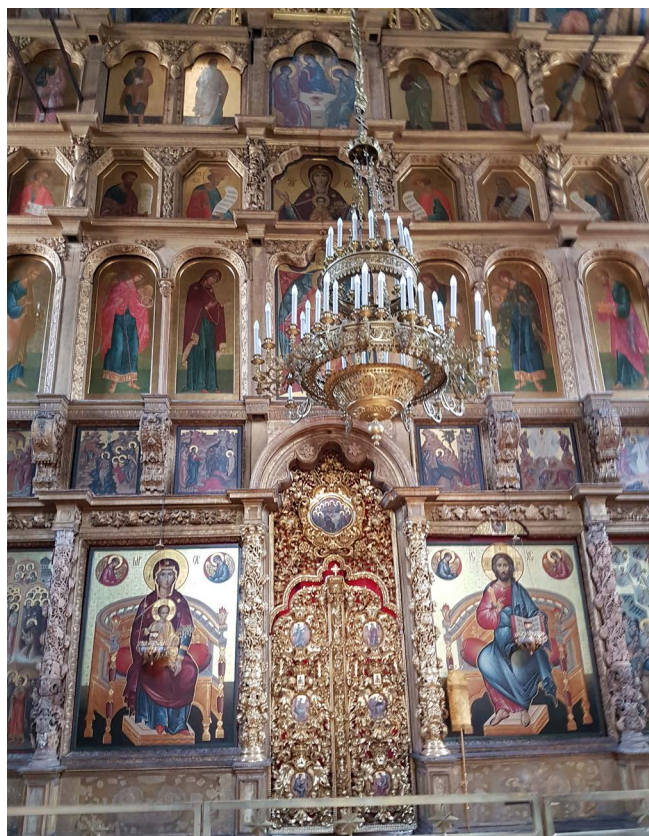

1992 г. на место уничтожения останков Царской семьи прибыл первый архиерейский Крестный ход. Так зарождались современные Царские дни – дни памяти Царственных Страстотерпцев.

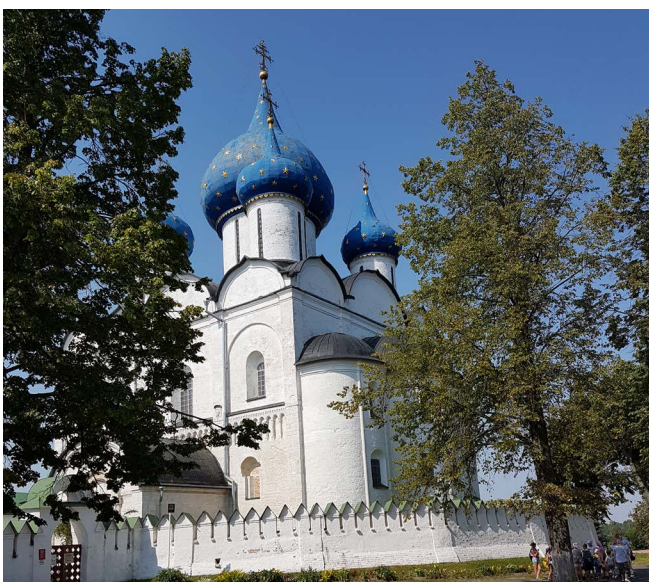
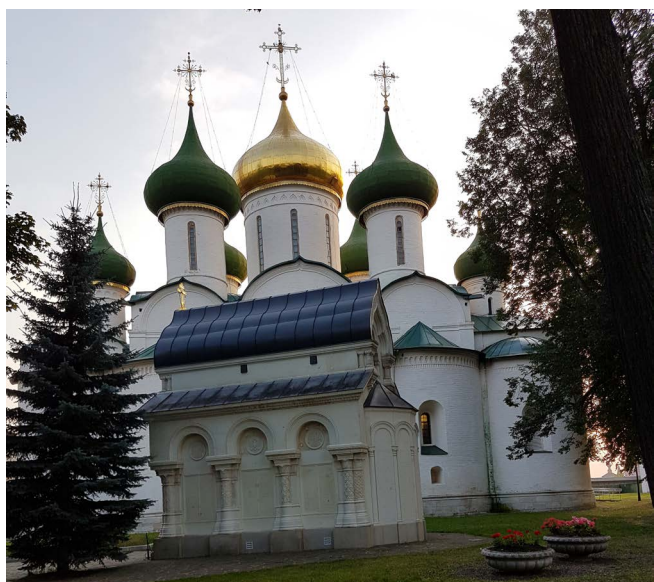
В ночь на 17 июля 1995 г. у креста над Ганиной ямой была совершена первая Божественная Литургия. После этого ночные Литургии в трагический день памяти стали совершаться здесь каждый год. На тот момент Церковь ещё не прославила подвиг Царской семьи, но народное почитание уже предвещало скорую канонизацию Царственных Страстотерпцев.

Также Людмила Анатольевна посетила старинный русский город Тихвин, который был основан ещё в XIV веке. Сейчас город является крупным промышленным и культурным центром, транспортным узлом в Ленинградской области. Редчайший случай в истории, когда первое упоминание о городе появляется благодаря иконе. Сначала называли икону Богоматери Тихвинской, а потом и этому месту дали имя Тихвин.

В рукописных «Сказаниях о Тихвинской

иконе Богоматери», её появление в новгородских пределах относится к 1383 г. «Светозарно шествуя по воздуху» из одного селения в другое, «ангелами невидимо носима», икона являлась местным жителям, пока не достигла берега реки Тихвинки. Как свидетельствует предание, её появление в малообжитых и ещё не христианизированных землях проявляло её чудотворную силу. Тихвинская икона Божией Матери – икона Богородицы, почитаемая в Русской Православной Церкви чудотворной. Написана, по преданию, евангелистом Лукой.

Икона существует в нескольких списках с иконы, находящихся в различных городах. Она стала, по сути, иконографическим подтипом образа Одигитрии (Путеводительницы).

Во время Великой Отечественной войны Тихвин стал первым городом, освобождённым в ходе зимнего контрнаступления Красной армии 1941 года. К сожалению, за годы войны были разрушены многие архитектурные памятники. А в 1970 году исторический центр Тихвина за исключением одной улицы планировалось полностью снести для строительства жилого микрорайона для сотрудников завода «Трансмаш». Но, благодаря известному ленинградскому архитектору Татьяне Андреевне Славиной удалось отстоять исторические улицы старинного Тихвина. Видите, как важно быть смелым и не бояться бороться с сильными мира сего, отстаивая правое дело. До сих пор Татьяна Андреевна трудится на ниве сохранения архитектурного наследия России. Низкий поклон ей за это!

Побывала Людмила Филинкова в Суздале – городе храмов и монастырей. Этот город насчитывает тысячелетнюю историю. При количестве жителей меньше десяти тысяч, в Суздале – в это трудно поверить! – 5

монастырей и 31 церковь. Также в городе и районе существуют множественные памятники деревянного зодчества, действует музей восковых фигур.

У Людмилы Анатольевны самые лучшие впечатления от путешествия по родной земле. Родина наша – широкая, бескрайняя земля с многовековой историей, земля, на которой живут хорошие, отзывчивые люди!

ВНИМАНИЕ!

Открывается кружок кройки и шитья.

Для начинающих и тех, кто уже что-то умеет.

Звоните педагогу по моделированию и пошиву одежды

Дине Соколовой по телефону 04 32 32 77 82

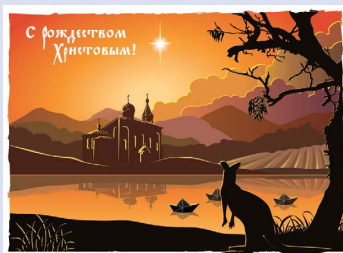
ТЫ

**УЖЕ КУПИЛ
ПОДАРКИ?**

Дорогие прихожане!

**Наступают предпраздничные дни, близится
время покупки подарков. У нас большой
выбор печатной продукции нашего храма.
Покупайте в подарок родным и друзьям
календарь на 2018 год, рождественские
открытки, сувенирные магниты.**

St. Nicholas Church,
Adelaide